Все тексты с ЕГЭ 28 мая 2024 по русскому языку с проблемами. Для каждого текста В. Сухомлинский, Е. Богат, В. Катаев, В. Каверина, В. Овчинникова, М. Строганов, М. Алигер, А. Бруштейн, Ю. Бондарев, К. Паустовского, М.Е. Салтыкова Щедрина, Б. Васильева, В. Белова, Д. Шеваров, В. Распутин, Л. Толстого, Ф. Искандера, В. Шаталов приведён примерный круг проблем.

Текст Б. Л. Васильева о труде

Порой мне с удивительной ясностью вспоминаются вечера моего раннего детства. (2)Наша большая даже по тем временам семья — двое детей, мама, бабушка, тетя, ее дочь и кто-то еще — жила на паёк отца и на его более чем скромную командирскую зарплату в тесном домике на Покровской горе, где ни у кого не было своей комнаты и никто, кроме меня, не спал в одиночестве. (3)При домишке был огород, которым занимались все, потому что речь шла о хлебе насущном. (4)И я знаю, как горят ладони, обожжённые свежевыполотой травой, с того трепетного возраста, которому уступают места в метро даже мужчины.

Так вот, о вечерах. (6)Осенних или зимних, с бесконечными сумерками и желтым кругом керосиновой лампы. (7)Отец сапожничает, столярничает или слесарничает, восстанавливая и латая. (8)Мать и тетка тоже латают, штопают или перешивают. (9)Бабушка, как правило, тихо поскрипывает ручной мельницей, размалывая льняной или конопляный жмых, который добавляют в кулеш, оладьи или лепёшки, потому что хлеба не хватает. (10)Сёстры — Галя и Оля — попеременно читают вслух. (11)А я играю тут же, стараясь не шуметь. (12)Это обычный вечерний отдых. (13)И никто из нас и не подозревает, что можно развалиться в кресле, вытянув ноги, и, ничем не утруждая ни единую клеточку собственного мозга, часами глядеть в полированный ящик на чужую жизнь, будто в замочную скважину. (14)Для всех нас искусство — не только в процессе производства, но и в процессе потребления — серьёзный, исстари особо уважаемый труд. (15)И мы ещё не представляем, что литературу можно воспринимать глазея, зевая, закусывая, выпивая, болтая с соседкой. (16)Мы ещё с благоговением воспринимаем СЛОВО. (17)Для нас еще не существует понятия «отдых» в смысле

абсолютного безделья. (18)И человек, который не трудится, заведомо воспринимается с отрицательным знаком, если он здоров и психически полноценен.

(19)В «Толковом словаре» Даля нет существительного «отдых», есть лишь глагол «отдыхать». (20)И это понятно: для народа, тяжким трудом взыскующего хлеб свой, отдых был чем-то промежуточным, сугубо второстепенным и несущественным. (21)Отдых для русского человека — равно крестьянина или интеллигента — всегда выражался в смене деятельности в полном соответствии с научным его пониманием.

(22)Я вырос в семье, где господствовал рациональный аскетизм: посуда — это то, из чего едят и пьют, мебель — на чем сидят или спят, одежда — для тепла, а дом — чтобы в нём жить, и ни для чего более. (23)Любимым присловьем моего отца было: «Не то важно, из чего пьёшь, а то — с кем пьёшь». (24)Из этого вовсе не следует, что отец «закладывал за воротник»: он не чурался рюмочки, но до войны — только по праздникам, а после оной — ещё и по воскресеньям. (25)Он был беспредельно жизнелюбив и столь же беспредельно гостеприимен, но глагол «пить» подразумевал для него существительное «чай». (26)Хорошо, если с мамиными пирогами, но пироги случались не часто.

(27)Принцип рационального аскетизма предполагает наличие необходимого и отсутствие того, без чего спокойно можно обойтись. (28)Правда, одно «излишество» у нас все же было: книги. (29)Отца часто переводили с места на место, и мы привыкли собираться. (30)Все переезды, как правило, совершались внезапно, громом среди ясного неба. (31)Отец приходил со службы, как обычно, и не с порога, не вдруг, а, сняв сапоги, ремни и оружие, умывшись и сев за стол, припоминал, точно мимоходом: «Да, меня переводят. (32)Выезжаем послезавтра».

(33)И начинались сборы, лишённые лихорадочной суматохи, потому что каждый знал, что делать. (34)Мне, например, полагалось укладывать книги. (35)Возникла эта особая ответственность, когда я был ростом с ящик, но и тогда никто не проверял моей работы: родители старомодно считали, что недоверие унижает человеческую личность.

(36)Это-то я теперь понял, что они так считали, а тогда, кряхтя и сопя —

фолианты встречались! — осторожно снимал книги с полок, волок их к ящикам и старательно укладывал ряд за рядом. (37)И дело даже не в том, что мне доверяли упаковывать единственную ценность не только нашей семьи, но и вообще всего человечества, как я тогда сообразил, — дело в том, что я физически, до пота и ломоты в неокрепших мускулах ощущал эту великую ценность. (38)Я по детскому, первому, а следовательно, и самому прочному опыту узнал, сколь весом человеческий труд, завещанный людям на века. (39)И, становясь перед книгами на колени — иначе ведь не упакуешь, — я ещё бессознательно, еще не понимая, но уже чувствуя, становился на колени перед светлыми гениями всех времен и народов.

(40)…Кажется, я так и остался стоять на коленях перед Литературой.

(По Б. Л. Васильеву*)

Проблемы текста

1. Проблема отношения к отдыху

2. Почему труд важен в жизни человека

3. Какой должен быть отдых?

Текст Сухомлинского о воспитании

С волнением ожидал я малышей. (2)В 8 часов утра пришло 29 человек. (3)Не пришла Саша (наверное, с матерью плохо). (4)Не было Володи, по-видимому, заспал, матери не захотелось будить мальчика.

(5)Почти все дети празднично одеты, в новеньких ботиночках. (6)Это меня встревожило: сельские дети издавна привыкли в жаркие дни ходить босиком, это прекрасная физическая закалка, лучший способ предупреждения простудных заболеваний. (7)Почему же родители стараются защитить детские ножки от земли, утренней росы и горячей, накаленной солнцем земли? (8)Все они делают из добрых побуждений, а получается плохо: с каждым годом все больше сельских малышей зимой болеют гриппом, ангиной, коклюшем. (9)А надо воспитать детей так, чтобы они не боялись ни зноя, ни

холода.

— (10)Пойдем, дети, в школу, — сказал я малышам и направился в сад. (11)Дети с недоумением смотрели на меня. — (12)Да, ребята, мы идем в школу. (13)Наша школа будет под голубым небом, на зеленой травке, под ветвистой грушей, на винограднике, на зеленом лугу. (14)Снимем вот здесь ботиночки и пойдем босиком, как вы привыкли ходить раньше.

(15)Дети радостно защебетали; им непривычно, даже неудобно ходить в жаркую погоду в ботинках.

— (16)А завтра приходите босиком, в нашей школе это будет лучше всего.

(17)Мы пошли в виноградную аллею. (18)В тихом, скрытом деревьями уголке разрослись виноградные лозы. (19)Расстелившись на металлическом каркасе, они образовали зеленый шалаш. (20)Внутри шалаша земля покрыта нежной травой. (21)Здесь царила тишина, отсюда, из зеленого сумрака. (22)Весь мир казался зеленым.

(23)Мы расстелились на траве. (24)Вот здесь и начинается наша школа. (25)Будем смотреть отсюда на голубое небо, сад, село, солнце. (26)Дети притихли, очарованные красотой природы. (27)Между листвой висели янтарные гроздья созревшего винограда. (28)Детям хотелось попробовать вкусных ягод. (29)Будет и это, ребята, но сначала надо полюбоваться красотой.

(30)Дети смотрят вокруг. (31)Кажется, что сад окутан зеленым туманом, как в сказочном подводном царстве. (32)Поверхность земли — поля, луга, дороги — как бы дрожит в малахитовом тумане, а на освещенные деревья сыпятся солнечные искорки.

— (33)Солнышко рассыпает искорки, — тихо сказала Катя.

(34)Дети не могли оторваться от очаровавшего их мира, а я начал рассказывать сказку о солнце.

— (35)Да, дети, хорошо сказала Катя: Солнышко рассыпает искры. (36)Оно живет высоко в небе. (37)У него есть два Кузнеца-великана и золотая наковальня. (38)Перед рассветом Кузнецы с огненными бородами идут к

Солнцу, которое дает им два пучка серебрёных нитей. (39)Берут Кузнецы железные молотки, кладут серебряные нити на золотую наковальню и куют, куют, куют. (40)Они выковывают Солнышку серебряный венок, а из-под молотков рассыпаются по всему миру серебряные искры. (41)Падают искры на землю, вот вы и видите их. (42)А вечером уставшие Кузнецы идут к Солнышку, несут ему венок; надевает Солнышко венок на золотые косы и идет в свой волшебный сад — отдохнуть.

(43)Я рассказываю сказку и одновременно рисую ее: на белом листе альбома рождаются фантастические образы: у золотой наковальни — два Кузнеца-великана, из-под железных молотков рассыпаются серебрёные искорки.

(44)Слушают дети сказку, очарованные волшебным миром, и кажется, что они боятся нарушить тишину, чтобы не рассеялось очарованье. (45)Потом сразу засыпают вопросами: а что делают Кузнецы-великаны ночью? (46)Зачем Солнышку каждый раз новый венок? (47)Куда деваются серебряные искорки — ведь сыпятся они на землю каждый день?

(48)Милые дети, обо всем этом я расскажу вам, у нас еще будет много времени, а сегодня я угощу вас виноградом.

(49)Ребята с нетерпением ожидают, пока корзина наполняется гроздьями. (50)Раздаю по две веточки: одну советую съесть, а другую понести маме, пусть и она попробует ягод. (51)Дети проявляют удивительную терпеливость: заворачивают гроздья в бумагу. (52)А меня беспокоит мысль: хватит ли этой терпеливости на всю дорогу от школы до дома? (53)Нине я даю несколько гроздьев: для больной матери, для сестренки и для бабушки. (54)Варя берет 3 кисточки для отца. (55)Зарождается мысль: как только у детей будет достаточно сил, каждый ребенок заложит свой виноградник. (56)У Вари надо посадить этой осенью с десяток саженцев, которые плодоносили бы уже через год, это будет лекарство для отца.

(57)Мы выходим из сказочного зеленого сумрака. (58)Я говорю детям:

— Завтра приходите перед вечером, в шесть часов. (59)Не забудьте.

(60)Я вижу: детям не хочется уходить. (61)Но они расходятся, прижимая к груди белые сверточки (62)Как бы мне хотелось знать, кто из них не донесет

виноград домой! (63)Но об этом спрашивать у ребят нельзя; если кто сам расскажет — будет хорошо.

(64)Вот и кончился первый день школы под голубым небом… (65)В ту ночь мне снились серебряные солнечные искорки, а проснувшись рано утром, я долго думал, что делать дальше. (66)Я не составлял детального плана: что и в какой день буду говорить детям, куда поведу их. (67)Жизнь нашей школы развивалась из идеи, которая воодушевляла меня: ребенок по своей природе — пытливый исследователь, открыватель мира. (68)Так пусть перед ним открывается чудесный мир в живых красках, ярких и трепетных звуках, в сказке и игре, в собственном творчестве, в красоте, воодушевляющей его сердце, в стремлении делать добро людям. (69)Через сказку, фантазию, игру, через неповторимое детское творчество — верная дорога к сердцу ребенка. (70)Я буду так вводить малышей в окружающий мир, чтобы они каждый день открывали в нем что-то новое, чтобы каждый наш шаг был путешествием к истокам мышления и речи — к чудесной красоте природы. (71)Буду заботиться о том, чтобы каждый мой питомец рос мудрым мыслителем и исследователем, чтобы каждый шаг познания облагораживал сердце и закалял волю.

(72)Школа под голубым небом учила меня, как открывать перед детьми окно в окружающий мир, и эту науку жизни и познания я стремился донести до всех учителей. (73)Я советовал им: не стремитесь рассказать на уроке о предмете изучения все, что вы знаете, — под лавиной знаний могут быть погребены пытливость и любознательность. (74)Умейте открыть перед ребенком в окружающем мире что-то одно, но открыть так, чтобы кусочек жизни заиграл перед детьми всеми красками радуги. (75)Оставляйте всегда что-то недосказанное, чтобы ребенку захотелось еще и еще раз возвратиться к тому, что он узнал.

(По В. А. Сухомлинскому*)

* Василий Александрович Сухомлинский (1918-1970) — советский педагог-новатор, детский писатель.

Проблемы текста

1. Проблема воспитания. (Как нужно воспитывать ребёнка, чтобы он вырос

гармоничной, творческой личностью, сохранил стремление к исследованию мира?) Воспитывая ребёнка, важно не обрывать его связь с природой, поддерживать творческое начало. Через игру можно помочь детям открывать мир. Важно не загубить «под лавиной знаний» пытливость и самостоятельность.

2. Проблема связи человека с природой. (Как человек связан с природой? Почему важно сохранять эту взаимосвязь, не отдаляться от природы?) Природа воспитывает в человеке характер, придаёт ему как душевные, так и физические силы, закаляет тело.

3. Проблема роли красоты в жизни человека. (Какое значение в жизни человека имеет красота?) Красота воспитывает в человеке стремление «делать добро людям», а также будит в нём творческое начало.

4. Проблема проявления качеств настоящего учителя. (Каким должен быть настоящий учитель?) Хороший учитель передаёт знания о мире «так, чтобы кусочек жизни заиграл перед детьми всеми красками радуги», не погребает их самостоятельность и пытливость «под лавиной знаний», оставляя что-то недосказанное.

Текст Е. Богат о памяти и истории забвении и воскрешении произведений искусства

Однажды молодая чета Н., возвращаясь вечером домой, обнаружила в московском дворе, в сугробе, холст, в котором узнала картину из Третьяковской галереи.

Молодожены были любителями живописи и в Третьяковку ходили нередко. У них была неплохая память на лица, и, рассматривая холст, они убеждались, что именно это лицо видели на картине.

Им показалось, что это сон, наваждение. Они разобрали подпись — совпадало и имя автора.

Не буду описывать их растерянность — она понятна и не любителям живописи. Найти под ногами картину из Третьяковки!

Холсту посчастливилось — он попал в хорошие руки. Наутро молодые понесли его в Союз художников РСФСР. Посчастливилось и молодоженам: именно в тот день шло в союзе заседание секретариата, и все руководство было на месте. Застали они и автора холста — секретаря союза. Тот, увидев, что стало с его работой, был потрясен, и это тоже понятно.

Автор холста объяснил молодым: они нашли не саму картину из Третьяковки, а этюд к ней, что ненамного уменьшило их растерянность, ибо они понимали, что и этюд не для того писался, чтобы лежать под снегом.

Холст отдали в реставрацию, а наутро выехала из Москвы комиссия из двух человек — сотрудника дирекции художественных выставок А. П. Тихомирова и одного художника (почему не могу назвать его фамилию, читатель поймет потом). Поехали они в город Зарайск.

По дороге А. П., Тихомиров не мог не думать о загадочной судьбе этюда. Он думал — и не находил объяснения, хотя известно ему было гораздо больше, чем молодоженам.

Посвятим и мы читателя в одно существенное обстоятельство.

В конце 1966 года Союз художников РСФСР безвозмездно передал Зарайску двадцать девять картин видных советских мастеров. Это была небольшая художественная галерея. В нее вошли работы талантливых живописцев — академиков, лауреатов, заслуженных деятелей. Картины, как любят писать репортеры, «украсили стены» местного Дома культуры после речей и аплодисментов. С тех пор в каталогах, издаваемых Союзом художников РСФСР, рядом с именами известных авторов и названиями их работ появился новый адрес: Зарайская художественная галерея. Вот темы некоторых полотен: «Горки Ленинские», «Десант», «Торжественное утверждение герба РСФСР», «Выход из окружения», «Медсестра Соня Захарова», «Между боями»…

Найденный в сугробе холст и был одной из тех самых подаренных двадцати

девяти картин…

Отдохнем немного, побродим по Зарайску. В этом городе родилась и умерла А. С. Голубкина, жил несколько лет А. И. Куприн. В нем работали поэт А. И. Полежаев, основатель театрального музея А. А. Бахрушин, крупнейший языковед, академик В. В. Виноградов, художник П. А. Радимов…

Еду в Зарайск.

И я увидел картины…

Увидел в комнате, на третьем этаже Дома культуры. Комната эта стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее. Она небольшая, но какая-то емкая, похожая на пенал с тесно уложенными карандашами и ластиками или — лучше — на железнодорожное купе, но не с двумя, а с несколькими рядами полок по стенам, на большое купе, уставленное вещами снизу доверху.

Это старые вещи. Сейчас они, по-видимому, уже не нужны никому, но когда-то весело и радостно участвовали в жизни: немая, без струн, мандолина, беззвучный, «без шкуры», барабан, поломанная радиоаппаратура, пестрые театральные костюмы, которые, чувствуется, давно никто не надевал, и разная малопонятная живописная ветошь…

В этой комнате держат одряхлевшую бутафорию, то, что уже отзвучало, отыгралось. В ней холодно, как и в остальных помещениях Дома культуры, и, несмотря на некоторую экзотику, достаточно уныло.

У самого порога лежит тяжелый рулон: нечто, судя по виду, тоже ветхое и ненужное, можно подумать, что это дорожки, половики, отслужившие честно под подошвами отмеренный им век.

Но это — картины.

Втроем — директор Дома Б. Дергачев, журналист П. Ильяшенко и я — выносим рулон в коридор, распаковываем, расстилаем на полу, осторожно, потому что холсты рассыпаются, вернее, осыпаются под руками.

Картины, их шесть, лежали долго, телом к телу, живой, ранимой живописной поверхностью к суровой незагрунтованной изнанке холста. Их укатали в

рулон, будто бы они в самом деле половики, истертые до залысин, до дыр.

Они действительно истерты, изранены, но они — картины! Их, повторяю, шесть. Что же стало с остальными двадцатью тремя? И почему эти несчастные шесть истлевают рядом с ненужной бутафорией?

Мне, когда увидел, захотелось унести их с собой, как хочется иногда забрать с улицы бездомную собаку, чтобы накормить, согреть.

Ведь это же тоже живое.

Уже работая над этой статьей, я узнал, что в выставочном зале в Москве, на Кузнецком мосту, после реставрации (нынешняя реставрация — что реанимация) демонстрировалась та самая художественная галерея XVIII века, которая была обнаружена в Зарайске Ф. Вишневским.

Эта выставка стала подлинным событием в культурной жизни. Радостным событием. Именинами сердца.

Фрэнсис Бэкон писал четыреста лет назад, что память — это история. Нет памяти — нет истории. У этой истории, понимал я, нет памяти. У этой истории — истории нет.

Лежали-лежали полотна навалом в тишине и сырости, разрушаясь медленно. Может быть, лет пятьдесят. Может быть, лет сто.

Но важно не это.

Они были утрачены и найдены.

Они были похоронены и воскрешены.

Это обнадеживает!

Проблемы текста

1. Что несёт в себе картина?

2. Проблема отношения общества к искусству

Текст Е. Богат о трёх моделях поведения в обществе

В том разнообразии конфликтных ситуаций, с которыми жизнь почти ежедневно сталкивает меня по роду работы писателя-публициста, я давно уже вычленил одну, достаточно существенную в системе «личность — общество» и поэтому достойную исследования.

Суть интересующей меня ситуации в том, что нравственно содержательная или — выражусь скромнее — нравственно нормальная личность попадает в нравственно ненормальный микроклимат. Тут, за исключением печального варианта, когда она адаптируется и сама в течение месяцев или лет становится нравственно ненормальной, существуют, видимо, три модели поведения.

Первая модель хорошо нам известна, потому что ярко отражена в литературе и не менее ярко воссоздана на подмостках театров. Личность дает бой! Она ведет его с переменным успехом, но в финале побеждает. Она ведет бой за торжество моральных норм жизни безбоязненно и бескомпромиссно, с большим социальным темпераментом и верой в победу, она в этом бою не жалеет ни себя — в смысле архищедрой траты душевных сил, — ни тех, кто уродует нашу жизнь.

Эта первая модель поведения существует, разумеется, не только в литературе и на театре, но и — весьма широко — в самой действительности, и если я писал выше о ее отображениях, то лишь затем, чтобы отметить: она исследована достаточно хорошо.

Вторая модель поведения отображена и исследована менее хорошо, хотя тоже существует в реальной действительности. Нравственно нормальная личность, очутившись в нравственно ненормальной обстановке (чаще всего, по моим наблюдениям, это небольшой коллектив), уходит оттуда, даже бежит, подобно человеку, оказавшемуся вдруг в нездоровой местности, в том микроклимате, который мучительно воздействует на его сердечно-сосудистую систему. Зло торжествует в локальных масштабах, но личность не терпит при этом существенных потерь, хотя, конечно, морально уязвлена. Естественно,

что этот социально пассивный вариант нам мало импонирует. Поэтому мы и пишем о нем редко.

Но есть и третья модель поведения, наименее изученная и отображенная в литературе: Личность и не дает боя, и не бежит. По моим частным наблюдениям, в данном варианте обычно действуют (и при этом страдают) люди, одержимые любимым делом настолько, что одержимость эта и сил для борьбы не оставляет, и уйти, убежать не дает.

Уточняю, чтобы быть верно понятым: в первом варианте — безбоязненного боя — человек тоже может быть не менее страстно одержим любимой работой, но одержимость в нем сочетается с качеством борца; к сожалению, данное сочетание — удел далеко не многих.

Третья модель особенно интересна и поучительна, потому что имеет самое непосредственное отношение к важной теме: ответственности большого мира, окружающего тот или иной нравственно нездоровый микроклимат, или, если говорить более казенно, ответственности тех должностных лиц, которые, находясь над «микромиром», не могут не видеть тяжелого положения нормальной личности в ненормальной обстановке. Бесстрастное, равнодушное отношение или пассивное сочувствие тут опасны, иногда даже опасны катастрофически.

Моральные понятия обладают одной интересной особенностью. Они при всем их авторитете кажутся порой книжными, абстрактными, пока не одеваются живой, трепетной тканью человеческой судьбы. И тогда мы понимаем, что «добро» — это не термин, излюбленный нудными моралистами, а живое сердце, которое болит и может от боли разорваться или непоправимо помрачить на минуту разум, а «совесть» — это не надуманная абстракция, а наше общее, большое беспокойство за судьбу человека, который хочет отдать обществу все силы души.

«Третья модель» — постоянное и неотложное дело большого мира, а большой мир — это мы все.

Проблемы текста

1. Как может вести себя нравственно моральная личность, если попадет в

нравственно ненормальный микроклимат?

2. Влияние общества на личность?

3. Как реагирует личность на неприятные ситуации?

4. На что готова личность ради общества?

Текст Е. Богата о творчестве

Что такое творчество? (2)Что такое творческий человек? (3)А это вопрос человеческой судьбы.

(4)Самый распространённый ответ: творчество — это рождение чудесной новизны, появление новых великих художественных и материальных ценностей, которые украшают мир.

(5)Именно так отвечают и многие философы, и большинство «обыкновенных» людей, нефилософов, задумывающихся над собственной жизнью, над тем, что они могут дать миру.

(6)А между тем в этом ответе есть глубочайшее заблуждение. (7)Оно станет понятным, если вообразить трёхмиллиардное человечество разделённым на две неравные части. (8)Небольшую — избранных людей, одарённых божьей искрой, обладающих яркими талантами, которые действительно украшают мир, радуют нас книгами, симфониями, научными открытиями. (9)И большую часть, состоящую из «обыкновенных», «рядовых» людей, которым будто бы и не дано рождать ту самую чудесную новизну, что сопряжена в нашем сознании с самим пониманием творчества.

(10)Мои раздумья о том, что такое творчество, творческий человек, начались несколько лет назад с того, что я получил письмо от молодой женщины, чертёжницы. (11)Вот оно.

(12)Волнуют меня эти слова: творчество, творческий человек, радость творчества. (13)Я чаете задумываюсь: к кому же они относятся? (14)Ну, разумеется, в первую очередь к поэтам, композиторам, учёным, то есть к

людям талантливым. (15)А что если я, бесталанная, самая обыкновенная, умею лишь наслаждаться литературой и искусством, а сама не умею ничего? (16)Но ведь и я часто испытываю большую радость. (17)И не только от книг или событий. (18)Вот сижу в чертёжной, подниму голову, увижу за окном краснеющие клёны — и будто получила подарок.

(19)Потом старательно черчу фундамент, и радость постепенно утихает. (20)Однажды подумала: ну, хоть бы ватман из белого стал голубым или оранжевым в ту минуту, когда я дуюсь, ну, хоть бы что нибудь в мире изменилось». (21)Наивное письмо? (22)Конечно. (23)Его можно назвать наивным.(24)Потому что оно полудетской отвагой неведения вторгается в один из самых сложных «философских миров»: человек — творчество — жизнь. (25)Но это же письмо можно назвать и мудрым, ибо в нём начинает пульсировать то широкое понимание творчества, его разнообразных сфер, которое, по-моему, сегодня особенно актуально. (26)Слова «творческая личность», по существу, тавтология. (27)Если личность — то непременно творческая! (28)Творчество возможно и в самой скромной, самой будничной форме. (29)Это может быть слово, это может быть улыбка, которая несёт кому-то радость.

(30)Я думаю, что и домашняя хозяйка, которая сообщила дому какой-то обаятельный уклад, тоже творец. (31)И водитель автобуса, который, видя, что в машине много старых людей, ведёт особенно бережно, — творец. (32)И учитель, который входит в класс с такой глубокой готовностью передать лучшие сокровища души детям, что они это ощущают как бы растворённым воздухе, — творец, несомненно! (33)Людей бездарных — без дара — не бывает.

(34)— Не бывает?! — сердито воскликнул один остро мыслящий социолог, которому я изложил эти соображения. (35)— Что ж, если исходить из того, что личностью является каждый человек, вывод ваш, несмотря на известное прекраснодушие, логичен. (36)Но, думается, люди, в разные века их именовали по-разному, которых личностями не назовёшь. (37)Данте называл их ничтожными. (38)Это те, кто «не знает ни славы, ни позора смертных дел». (39)Они не личности, потому что отреклись в малодушии от деятельности. (40)Они не делают зла, но их не хватает на то, чтобы делать добро (41)Личность рождается одновременно с деятельностью (42)Во имя добра.

(43)Или, увы, во имя зла.

(44)Бывают личности со знаком плюс, бывают, личности со знаком минус. (45)Но там, где есть плюс и минус, есть и переходная точка — ноль (46)По сегодняшней терминологии — обыватель. (47)— Мне кажется, — возразил я ему, — что, несмотря на логическую стройность схемы с плюсом, минусом и нолём, она, как и любая схема, неадекватна многообразию жизни и сложности человека. (48)Кто может поручиться, что в новых обстоятельствах, в иной ситуации «ничтожный» не обнаружит того самого плюса или минуса, о которых сейчас шла речь?

(49)Человек ведь не неизменная, раз и навсегда твёрдо установленная величина (плюс два, или минус три), он меняется в зависимости от окружения, обстоятельств, условий жизни.(50)И не столь уж часто он до конца жизни остаётся нолём, даже если в какой-то из моментов её и вступает как ноль. (51)И вот чтобы ноль стал не минусом, а плюсом, лучше видеть в нём личность. (52)И это отнюдь не означает прекраснодушного отношения к жизни, не влечёт за собой отрицания её конфликтов и противоречий.

По Е.М. Богату. Евгений Михайлович Богат (1923-1985) — советский журналист, писатель.

Проблемы текста

1. Какую деятельность можно считать творчеством?
2. Кого можно считать творцом?
3. Когда возникает радость творчества?
4. Все ли люди одарены талантами?
5. При каких условиях формируется и проявляется личность?

Текст Е. Богата о чудаках

Один из самых обаятельных образов русской литературы — образ чудака. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, изданный в 1882 году, дает такое определение: «Чудак, чудачка — человек странный, своеобычный, делающий все не по-людски, а по-своему, вопреки общему

мнению и обыку».

То есть естественны условия жизни, формирующие определенные мнения, естественны сложившиеся обычаи, и странны, неестественны люди, поступающие вопреки всему этому.
Он оставался избранной натурой, потому что его отличало редкое бескорыстие, которое никогда не было и, может быть, никогда и не будет уделом всех людей, как никогда не был и никогда не будет уделом всех художнический талант или дар философского мышления.
Кстати, о философском мышлении. Чудак — не обязательно мыслитель, но это все же человек, ведущий «философский образ жизни».

Чтобы меня поняли, обращусь к небольшой жизненной иллюстрации. Я расскажу сейчас о парке. Никто не верил, что можно этот парк разбить на высоте две тысячи сто метров над уровнем моря, в горах Армении. А создать парк было важно: от этого зависело, быть или не быть маленькому селению Джермук с целебной минеральной водой большим курортом. Нужен был парк, стягивающий к себе весь город. И нашелся человек, который парк этот создал. Старый лесник Кирилл Дрепало

Раньше, до парка, Дрепало выращивал лес в высокогорных районах Армении. Вместе с елью, сосной, березой он поднимался все выше и достиг тысячи шестисот метров над уровнем моря. А потом создал и этот парк.

То, казалось бы, невозможное, что он совершил, состояло, в сущности, из обыкновенных возможностей: он ложился за полночь и поднимался в шесть, писал во все питомники страны, собирал семена и черенки, построил у себя опытную оранжерею. А раньше, до черенков и оранжереи, когда однажды механизмы вышли из строя, «ворочал камни, как рассказывали, и усмирял топь собственными руками». Он доставлял с высокогорных пастбищ хорошо унавоженную землю и добывал редкие семена неприхотливых гладиолусов.

Я был в Джермуке весной, когда парк оттаивал, и видел Кирилла Сергеевича Дрепало ежедневно за делом. Вот он распаковывает ящик с рассадой, вот, после нежданной вьюги, погружает руки в оживающую землю. Мне кажется, что в образе этого Старика воплощено нечто стабильное в нашей системе жизненных ценностей и целей. Эту стабильность не могут поколебать самые бурные сегодняшние дискуссии. Комфорт и счастье — разные вещи. Можно

жить с комфортом и не быть счастливым. И можно быть счастливым при отсутствии комфорта. Разумеется, я употребляю понятие «комфорт» в житейском, обыденном смысле, подразумевая под ним не сумму благоприятных обстоятельств и возвышенный покой души, а комплекс удобств, при которых личность чувствует себя достаточно уютно и защищенно.

Этот Старик удивителен, но не исключителен. Я видел в жизни много подобных ему подвижников-бессребреников: они строят телескопы (разумеется, безвозмездно) для народных обсерваторий, ищут потерянные полотна больших художников, не для себя, а чтобы передать музеям, посылают черенки выведенных ими новых сортов растений во все концы мира…

В этих бескорыстных чудаках сосредоточилось, как в волшебной линзе, самое лучшее, высокое, цельное, что есть в нашем социальном строе и в нашем народном характере.

1-й вариант текста

Один из самых обаятельных образов русской литературы — образ чудака. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, изданный в 1882 году, дает такое определение: «Чудак, чудачка — человек странный, своеобычный, делающий все не по-людски, а по-своему, вопреки общему мнению и обыку».

То есть естественны условия жизни, формирующие определенные мнения, естественны сложившиеся обычаи, и странны, неестественны люди, поступающие вопреки всему этому.

Старинное колоритное определение Даля отражало, бесспорно, глубоко горестный опыт дореволюционной народной жизни. Но и после революции, совершившейся в семнадцатом году во имя того, чтобы «обык» не был враждебен лучшим устремлениям человека, чудаки на нашей земле не перевелись. Изменилась «точка отсчета», более того, коренным образом перестроилась вся система жизненных ценностей, а чудаки остались. Более того, первым поколениям советских людей стали особенно близки и понятны чудаки, запечатленные Лесковым, Писемским, Короленко, Горьким, те

странные, своеобычные люди, которые все время выламывались из нравственных и социальных норм дореволюционной жизни.

Но если раньше называли чудаками людей странных, экзотически-необычных, то теперь это определение лишилось оттенка острого недоумения, непонимания или неприятия. Чудаками стали называть людей духовно красивых, деятельных и бескорыстных, не лишенных разных человеческих странностей. Определение «чудак» начало наполняться изнутри обаянием, которого оно раньше чаще всего было лишено.

Но это вовсе не означает, что образ жизни чудака стал некоей социальной нормой. В этом случае он перестал бы быть чудаком. Нет, и в совершенно новых социально-нравственных условиях, в абсолютно иной исторической ситуации он оставался избранной натурой.

В этих бескорыстных чудаках сосредоточилось, как в волшебной линзе, самое лучшее, высокое, цельное, что есть в нашем социальном строе и в нашем народном характере.

Проблемы текста

1. Какую роль в обществе играют чудаки?

2. Какого человека можно назвать бескорыстным?

3. Кого можно считать чудиками?

4. Какого человека называют чудаком?

Текст В. Катаева о поэзии

Обливаясь потом и все время кашляя, я прочитал ему свои стихи. Он сделал томным, красивым голосом избалованного женщинами известного писателя несколько вялых замечаний, а потом разошелся, и, когда я спрятал свою рукопись, он, несколько юмористически сверкнув глазами, погладив кисточку своей серебряной бородки, сказал сладостно-кондитерским голосом:

– Ну уж, так и быть. Теперь моя очередь. Держитесь, Валя. Сейчас я вас убью.

– С этими словами он вынул из письменного стола толстую сафьяновую тетрадь и один за другим стал с упоением читать сонеты, написанные, как он объяснил, вчера во время бессонницы в один присест, залпом: – «Седые пейсы. Острый взгляд. Шейлок. Неровными зубами, торопливо он развязал заветный узелок. Таилось в нем сокровище на диво: жемчужина Персидского залива. Из мрака он на свет ее извлек и сам, гордясь, любуется ревниво…» – и так далее и шикарный конец: «…она живет и дышит, и – о, боже! – я слышу вздох: зачем меня хавас достал со дна для этих жадных глаз!»

Разумеется, я был убит наповал. Вот это настоящий поэт! И с этого дня стал страшным почитателем и учеником Федорова, который вскоре привык ко мне и не без томности говорил знакомым:

– Это Валя. Молодой поэт. Мой талантливый ученик. Мы читаем друг другу стихи.

Эта идиллия продолжалась довольно долго, но закончилась как-то вдруг, когда в один прекрасный день расчувствовавшийся Федоров томно сказал:

– Ах, Валя… Все это, откровенно говоря, вздор. Хотя мой учитель Майков и считал меня самым талантливым своим учеником и предсказывал мне блестящую будущность, – при этом Федоров посмотрел на фотографию старика с черно-серебряной бородой, в строгих железных очках – поэта Майкова – с автографом, – но, по совести, какие мы с вами поэты? Бунин – вот кто настоящий поэт. Вы читали Бунина?

– Нет.

– Вы не знаете стихов Бунина? – ужаснулся Федоров. – И ничего о нем не слышали?

– Смутно, – соврал я. – В каком-то журнале. Длинно и скучно. Даже, кажется, без рифм. Впрочем, кажется, это был не Бунин.

Федоров с молчаливым укором посмотрел на меня, подошел к громадному, во всю стену, книжному шкафу, вытянул с полки книгу и стал ее перелистывать.

Мелькнула дарственная надпись с большой – прописной клинописной буквой

«Б».

– «Все море – как жемчужное зерцало, – читал Федоров, держа в руках открытую книгу, но не глядя в нее; читал своим красивым, несколько актерским тенорком, дрожащим от неподдельного восхищения. – Сирень с отливом млечно-золотым. И как тепло перед закатом стало, и как душист над саклей тонкий дым! Вон чайка села в бухточке скалистой… – Тут Федоров, повернув свою небольшую скульптурную голову, посмотрел в окно, в черноморскую даль, слегка прищурившись, с таким вниманием, словно и впрямь видел Кавказское побережье с саклей, эту самую скалистую бухточку и чайку, сидевшую в ней. – Вон чайка села в бухточке скалистой, как поплавок… Взлетает иногда – и видно, как струею серебристой сбегает с лапок розовых вода».

Я был поражен. Передо мной вдруг открылась совсем простая тайна поэзии, которая до сих пор так упорно ускользала от меня, приводя в отчаяние.

Я уже давно – хотя и смутно – понимал, что уметь составлять стихи еще не значит быть поэтом. Легкость версификации уже перестала обманывать меня. Внешний вид стихотворений, так отличавшийся от прозы, со своими отдельными четверостишиями, особым щегольством типографской верстки, с тремя звездочками, многоточиями и другими общеизвестными ухищрениями хотя и продолжал оказывать на меня гипнотическое действие, но временами уже начинал раздражать. У меня даже зародилась глупейшая мысль, что можно в маленькую ученическую тетрадку «для слов» записать попарно все существующие рифмы, затем вызубрить, как таблицу умножения, все существующие стихотворные размеры – ямбы, хореи, амфибрахии, – что, в общем, не составляло большого труда, – и дело в шляпе! Что же касается самого содержания, то оно общеизвестно и вполне доступно: мечты, грезы, печаль, тоска, любовь, сад, луна, река, свиданье, страсть, цветы, осень, весна, зима, реже лето, поцелуй, ночь, утро, вечер, реже полдень, измена, горькая судьбина… Мало ли чего Разумеется, в большом количестве море, волны, заливы, бури, чайки, – но все это вообще. Даже очень может быть бухта. Но бухта вообще. Не подлинная, а книжная. Не вызывающая никаких особенно ясных представлений.

Но тут была, во-первых, не бухта, а бухточка и, во-вторых, не вообще

бухточка, а скалистая, то есть такая, какую я много раз видел где-нибудь в Аркадии или на Малом Фонтане и любовался ею, никак не предполагая, что именно она и есть предмет поэзии. Чайка была тоже не абстрактная чайка книжных виньеток и концовок, а вполне реальная черноморская чайка – подруга больше фонтанского маяка, – в данном случае севшая в скалистой бухточке, как поплавок, – сравнение, буквально сразившее меня своей простотой и почти научной точностью: уж я ли не знал, как плавает в морской воде двухцветный, наполовину красный и наполовину синий, пробковый поплавок – такой легкий, устойчиво покачивающийся на прибрежной волне, с торчащим кончиком гусиного пера.

Бунин открыл мне глаза на физическое явление поплавка, имеющего – по-видимому! – такой же удельный вес, как и чайка со своими полыми костями и плотным, но чрезвычайно легким, просаленным, непромокаемым опереньем, как бы пропитанным воздухом.

Вода, серебристой струю сбегающая с розовых, тоже непромокаемых лапок, была так достоверна, – теперь бы я сказал: стереоскопична, – словно я издали смотрел на нее в хороший морской бинокль, увеличивающий раз в пятнадцать.

Я увидел чудо подлинной поэзии: передо мной открылся новый мир. В тот же вечер я попросил папу купить мне книгу стихотворений Бунина. Отец посмотрел на меня сквозь пенсне глазами, на которые по-моему – навернулись слезы умиления: наконец его оболтус взялся за ум. Он просит купить ему не коньки, не футбольный мяч, не духовой пистолет, не теннисную ракетку, а книгу. И не «Шерлока Холмса» Конан Дойля, не «Тайну желтой комнаты» Гастона Леру, а прекрасную книгу русского поэта. Быть может, это был единственный подлинно счастливый день в его жизни. Отцы это поймут. А дети тоже поймут. Но не теперь, а со временем.

(В.П.Катаев)

Проблемы текста

1. В чем заключается тайна подлинной поэзии?
2. Как стать настоящим поэтом?
3. Кого можно считать настоящим поэтом?

4. Как поэзия влияет на людей?

Текст В. Каверина о войне

С перебитой ногой я лежал у окна санитарного поезда спиной к движению. (2)Уходящая местность открывалась передо мной, и поэтому я увидел эти три танка, когда мы уже прошли мимо них. (3)Открыв люки, танкисты смотрели на нас. (4)Они были без шлемов, и мы приняли их за своих. (5)Потом люки закрылись, и это была последняя минута, когда ещё невозможно было предположить, что по санитарному эшелону, в котором находилось, вероятно, не меньше тысячи раненых, другие, здоровые люди могут стрелять из пушек. (6)Но именно это и произошло.

(7)С железным скрежетом сдвинулись вагоны, меня подбросило, и я невольно застонал, навалившись на раненую ногу. (8)Мне видно было через окно, как первые раненые, выскочив из теплушек, бежали и падали, потому что танки стреляли по ним шрапнелью. (9)Кое-как я сполз с койки, и толпа раненых вынесла меня на площадку. (10)Я лёг под вагон, беспомощный, томящийся от бешенства и боли. (11)Кто-то крепко взял меня за руку. (12)Это была санитарка. – (13)Я никуда не пойду! – сказал я.– (14)Оставьте меня! (15)У меня есть пистолет, и живым они меня не получат. (16)Но две санитарки схватили меня, и мы втроём скатились под насыпь.

(17)Ромашов мелькнул где-то впереди в эту минуту.(18)Кое-как перебравшись через болото, мы залегли в маленькой осиновой роще: девушки, я, Ромашов и два легко раненных бойца, присоединившихся к нам по дороге. (19)Я послал этих бойцов в разведку, и, вернувшись, они доложили, что на разных направлениях стоят немцы. – (20)Уйти, конечно, можно, но, поскольку капитан не может самостоятельно двигаться, лучше воспользоваться дрезиной. (21)Дрезину они нашли под насыпью у разъезда. (22)Бойцы и санитарки ушли, чтобы поднять её и поставить на рельсы. (23)Мы с Ромашовым остались одни в маленькой мокрой берёзовой роще. (24)Мне трудно рассказать о том, каким был этот день. (25)Мы ждали и ждали без конца. (26)Уходя, санитарка сунула мне под голову свой заплечный мешок.

(27)Очевидно, в мешке были сухари: что-то хрустнуло, когда я кулаком

подбил мешок повыше. (28)Ромашов стал ныть, что он умирает от голода, но я прикрикнул на него, и он замолчал. – (29)Они не вернутся, – нервно сказал он. – (30)Они бросили нас. (31)Вероятно, у меня было плохое настроение, потому что я вытащил пистолет и сказал Ромашову, что убью его, если он не перестанет ныть. (32)Он замолчал и, кажется, с трудом удержался, чтобы не заплакать. (33)Плохо было дело! (34)Уже первые сумерки крадучись стали пробираться в рощу, а девушки не возвращались. (35)Разумеется, я и мысли не допускал, что они могли уехать на дрезине без нас, как это подло предполагал Ромашов. (36)Пока лучше было не думать, что они не вернутся. (37)Лёжа на спине, я незаметно уснул. (38)Когда я открыл глаза, туман лениво бродил между деревьями. (39)Ромашов сидел поодаль в прежней сонно-равнодушной позе.

(40)Всё, кажется, было, как прежде, но всё уже было совершенно другим. (41)Он посмотрел на меня искоса, очень быстро, и я сразу понял, почему мне так неудобно лежать. (42)Он вытащил из-под моей головы мешок с сухарями. (43)Кроме того, он вытащил флягу с водой и пистолет. (44)Кровь бросилась мне в лицо. (45)Он вытащил пистолет!

– (46)Сейчас же верни оружие, болван!– сказал я спокойно. – (47)Ты всё равно умрёшь,– сказал он торопливо.

– (48)Тебе не нужно оружие. – (49)Верни пистолет, если не хочешь попасть под полевой суд. (50)Понятно? (51)Он стал коротко, быстро дышать: – Какой там полевой суд! (52)Мы одни, и никто ничего не узнает. (53)Он уложил мешки и пошёл по направлению к болоту, и через пять минут среди далёких осин мелькала его сутулая фигура. (54)Оставить меня одного, голодного и безоружного, тяжело раненного в лесу, в двух шагах от расположения немецкого десанта… (55)Он ушёл, что было равносильно убийству, а может быть, даже и хуже.

В.А. Каверин

Проблемы текста

1. Почему на войне особенно страшно предательство? Авторская позиция: Потому что на войне человек окружен врагами, ему никак не обойтись без верных товарищей. Если товарищ, который должен был тебя поддерживать,

предает, то человек обречен на смерть.

2. Как люди проявляли себя на войне? Авторская позиция: Люди проявляли себя на войне по-разному: кто-то вел себя как герой, проявлял смелость, а кто-то проявлял свои самые плохие качества.

3. Проблема бесчеловечности войны. Авторская позиция: Война — страшное время, когда перестают работать общечеловеческие законы, она разрушает все на своем пути.

Текст В. Овчинникова об убийстве зверя

Спал я как убитый. Спал в спортивном костюме на своем спальном мешке. Не в нем, а на нем. Значит, не замерз ночью. Да и как было замерзнуть? В избушке от десятка здоровых мужиков было сравнительно тепло. Проснулся я свежий и бодрый. Было еще темно. Точнее, сумрачно. Над столом горела керосиновая лампа. Все были уже одеты. Я быстро встал, взял свои туалетные принадлежности и пошел на улицу.

На улице стоял туман и все вокруг было белое от инея, словно обсыпанное мукой. А трава под ногами даже похрустывала при ходьбе, настолько была промерзшей. Значит, ночью морозец был приличный.

Я сходил в туалет, затем подошел к простому деревенскому рукомойнику, прикрепленному к стволу мощной березы, стоявшей около избушки под тентом, почистил зубы, умылся до пояса и вернулся избушку.

Завтрак был уже готов. Около стола на табуретке стоял укутанный в телогрейку чайник. Значит, чай уже заварили. Причем заваренный по простому, путем высыпания в закипевший чайник целой пачки заварки. Сейчас он постоит немного, попарится и станет черным, как деготь, аж рот вяжет при питии. Но другой в тайге не пьют. Причем пьют чай из алюминиевых кружек, держа кружку в ладонях обеих рук. И прихлебывая черную жидкость маленькими, маленькими глоточками. Смакуя. И ощущая, как с каждым глотком тепло от желудка начинает потихонечку распространяться по всему телу, доходя до каждой его клеточки. И свежесть

наполняет голову, наделяя мышцы силой!

Все уселись за стол. На столе стояли остатки вчерашнего ужина, аккуратно разложенные по алюминиевым армейским мискам: куски запеченной вчерашней утки, картошка, грибы. Порезанный Иркутский хлебный калач. Все, как в « лучших домах Лондона», пошутил кто-то, делая намеренно ударение на букве «о» второго слога слова Лондон. Все шло спокойно, размеренно, отлажено. Бардака на охоте никогда не допускалось. Мужчины разлили себе по стаканам спирт. Но теперь уже без меня. Чокнулись и дружно выпили за удачу на охоте. Также дружно поели.

Затем тщательно убрали за собой, помыли посуду, подмели пол, вынесли мусор в мусорную яму. После чего захватили свои охотничьи снасти и вышли во двор. Здесь охотники разделились на две группы по пять человек. Пятеро в загонщики, пятеро в стрелки. Кто в этот раз пойдет куда, разыграли на спичках. Меня, естественно же, определили в загонщики. Но я так умоляюще посмотрел на нашего Председателя, что он рассмеялся и махнул рукой:

-Ладно! Будешь стрелком. Только станешь с самого края. Справа. И не самовольничать! Так что благодаря моей немой мольбе нас, стрелков, стало шестеро. Загонщики сели на наш армейский «Газон» и уехали в глубь тайги, чтобы оттуда потом по сигналу начать гон лосей на нас, на стрелков. По свидетельству охотников из нашего общества в этом районе должны были обитать четверо или пятеро лосей. Лицензия у нас была на отстрел двух лосей.

Меня поставили стоять около большого кедра с диаметром ствола чуть ли не в полметра со сморщенной, потрескавшейся и уже начинающей сморщиваться и чешутся буро-серо-коричневой корой. Прямо передо мной расстилалась небольшая поляна с уже полеглой и начинающей буреть травой. А справа от меня начинались густые заросли рябины метра четыре или пять высотой с еще сохранившимися на ветвях розетками темно-вишневых продолговатых листьев и буквально усыпанные громадными кистями ярко красных с морковным оттенком ягод. Рябинник далее переходил в густейший малинник и смородиновые заросли.

Естественно, что без ягод и листвы. Я сорвал ягоду с ближней ко мне ветки, сунул в рот, «жевнул» и сразу же выплюнул. Горько. Значит, заморозки

ночные были еще небольшие. Для рябины морозец нужен посерьезней. Меня сразу же предупредили, что вправо смотреть даже и не стоит – там зона загонщиков и лось оттуда не появится. Вполне возможно, что лось выйдет на поляну прямо передо мной. Но и этот вариант тоже мало вероятен – слишком близок к зоне загонщиков. Поэтому, скорее всего он выйдет на поляну где-то слева от меня, к другим стрелкам. И вполне возможно, что я лося и не увижу совсем.

Проблемы текста

1. Проблема понимания ценности жизни.
2. Проблема взаимоотношений человека и природы.

Текст М. Строганов о судьбе поколений

Судьбу поколения неслучайно сравнивают с белым листом, на котором невидимыми чернилами сделаны особые отметки, да и сама бумага покрыта незаметными для беглого взгляда «водяными знаками». (2)Растут дети, бегают в школу, дерутся и мирятся, ходят в технические кружки и на танцы, влюбляются и строят планы, не подозревая, что Судьба вносит за годом год строчки в их общую биографию. (3)Приходит срок, наступает их час –и внезапно в целом поколении обнаруживаются неведомые силы, способные противостоять любым испытаниям, вынести нечеловеческие нагрузки и победить любого врага.

(4)Жизнь — это путь. (5)Для того, кто хочет пройти его в угоду себе, он тёмен и неведом, ненадёжен, как игрушка в руках безрассудной фортуны. (6)Но для того, кто жизнь видит в служении своей Отчизне, этот путь наполнен особенным, непостижимым для прочих смыслом. (7)К общей цели его ведёт сама Россия.

(8)Её живая душа станет верной советчицей в сомнениях, надёжной попутчицей в долгих странствиях, нежной утешительницей в горе, трудолюбивой помощницей в деяниях, мужественной соратницей в борьбе и битве.

(9)Судьба великих сынов России всегда была открыта и ясна, потому что она

кровно связана с судьбой народа, и биография каждого героя всегда совпадает с биографией его страны. (10)Самой жизнью уготовано им жить одной судьбой, разделять со страной её радость и скорбь. (11)Вместе победить и, если потребуется, не торгуясь, отдать за её победу свою жизнь.

(12)«Я патриот, а к патриотам грязь не пристанет», — повторял Николай Кузнецов, легендарный разведчик, герой Советского Союза, сын «раскулаченных», с лихвой хлебнувший «от перегибов» в политике партии. (13)Русский герой не припоминал нанесённых обид и не предъявлял счетов (14)Жизнь свою он положил для служения своей стране, защищая её от фашистов, и его «Подвиг разведчика» останется с нами навсегда.

(15)Русская земля сама рождает и закаляет своих защитников, наделяя их особой совестливостью и честью, чтобы представали они перед всем народом, пронося через века образец служения Родине.

(16)Необученные и необстрелянные мальчишки летом 1941 года будут совершать подвиги и являть чудеса героизма не ради карьеры и наград, не ради высокопарных лозунгов и политических доктрин. (17)Они будут стоять насмерть за свои детские дворы, где гоняли в футбол, за чердаки домов, на которых жались друг к другу голубятни, за берег речки и летние каникулы, проведённые в пионерском лагере, за свою школу, в которой день за днём постигали, «что такое хорошо и что такое плохо», за девчонок, с которыми целовались в скверах после выпускного бала… (18)Поэтому они окажутся сильнее любых вражеских «мёртвых голов» и станут непобедимыми. (19)Так дети Гражданской войны станут героями Великой Отечественной…

(20)Война не сломит их, только закалит характер. (21)Много испытавшие в жизни, они как никто будут ценить и понимать чужие чувства, при этом не скрывая своих. (22)Война воспитает в них человечность, научит принимать ответственность на себя, не бояться тяжёлых трудов, не сомневаться в правоте выбранного дела. (23)Сделает из обычных людей Поколение победителей.

По М. С. Строганову

* Михаил Сергеевич Строганов — современный писатель, публицист.

Проблемы текста

1. Проблема смысла и назначения человеческой жизни. (Как обрести смысл, осознание назначения своей жизни?) Человек обретает смысл и осознание назначения своей жизни в том случае, если посвящает себя служению Отчизне.

2. Проблема объединяющего начала в судьбе поколения. (Что определяет судьбу поколения? В чём черпают силы представители одного поколения в годы испытаний?) Судьбу поколения во многом определяет судьба Отчизны, на защиту которой встают люди, черпая силы в единстве цели, объединяющей их. И этой целью является защита Родины.

3. Проблема связи судеб великих сынов России с судьбой Родины. (Какова связь судеб сынов России с судьбой Родины?) Судьба великих сынов России всегда кровно связана с судьбой народа, и биография каждого героя всегда совпадает с биографией его страны.

4. Проблема появления защитников на Русской земле. (Откуда появляются защитники Русской земли?) Русская земля сама рождает и закаляет своих защитников, наделяя их особой совестливостью и честью.

Текст М. Алигера о таланте Чуковского

Взрослые взяли меня с собой в гости. В доме, куда они направлялись, были дети, по слухам очень хорошие. Эти отличные дети встретили меня соответственно своей репутации и тотчас же любезно показали мне свои игрушки и книги. Ну, игрушки — бог с ними, в чужие игрушки не наиграешься, но книги, книги — другое дело: интересную книгу не грех ведь и попросить почитать на денек-другой. Меня сразу же привлекла книга, совсем отличная от книг, знакомых мне до тех пор, не похожая на них ни величиной, ни картинками. Едва открыв ее и прочитав первые строки, — то были стихи, а я уже отличала этот жанр, — я так и не могла оторваться и, усевшись на диван, принялась за чтение. Мне предлагали поиграть во что-нибудь, меня звали пить чай — я не отзывалась. Я читала и оторвалась от чтения, лишь дочитав до конца большую книгу, которая называлась «Крокодил».

За долгие годы, миновавшие с того вечера, когда я впервые прочла «Крокодила», он стал так широко известен, что нет нужды о нем распространяться. Мне было не более шести лет, я не понимала толком, что значит автор, но имя автора «Крокодила» я запомнила. Его звали Корней Чуковский.

По пути домой меня сдержанно пожурили. На хозяев — взрослых и детей — я произвела странное впечатление: пришла в гости и уселась за книжку. Но я не придала особого значения упрекам матери. Они доносились откуда-то со стороны, а во мне звучали стихи Корнея Чуковского. Я запомнила «Крокодила» наизусть, почти целиком, и стала охотно рассказывать его другим детям, а то, что дословно не запомнила, рассказывала своими словами, может быть даже своими стихами, — подобная вольность казалась мне тогда вполне допустимой.

Вслед за «Крокодилом» мне открылось множество книг, сочиненных Корнеем Чуковским: «Мойдодыр», «Бармалей», «Тараканище», «Муха-Цокотуха», «Федорино горе», «Чудо-дерево». Я накидывалась на них жадно, запоминала их с ходу и стала их горячим пропагандистом.

Со стихами Чуковского связано для меня первое в жизни соприкосновение со славой. Начав ходить в школу, я частенько опаздывала на первый урок. Кто не помнит, как противно в восемь лет вставать рано зимой, когда за окном еще темно, в комнате еще холодно и вода из крана ледяная, а с вечера ты гораздо позже, чем следовало, читал интересную книгу. И вот однажды я снова опаздывала и понимала, что мне не избежать неприятностей. Где-то в середине первого урока я приплетаюсь в школу, прошу разрешения войти в класс, получаю его, понимаю, что выражение лица учительницы не сулит мне ничего доброго, шлепаюсь на первую попавшуюся парту и тут только замечаю, что в классе очень уж много народу, чуть не вдвое больше обычного. Оказалось, заболела учительница третьего класса, и нас соединили на первые часы, устроив нечто вроде литературного утра. Все желающие могут выступить с чтением любимых произведений. Не долго раздумывая, я поднимаю руку и, получив слово, обрушиваю на два класса «Мойдодыра» Чуковского, целиком, наизусть, с подлинным чувством и волнением. Боже, какой это был успех! Никогда в жизни я больше не знала такого. Он был усилен еще и тем, что душа моя была готова совсем к другому — к упрекам, к

выговорам, — и вдруг вместо них рукоплескания, восторг, признание. Я ходила теперь по школьным коридорам, сопровождаемая восхищенными взглядами и шепотками: «Вон она, та девчонка, которая…» Старшеклассники пригласили меня выступить у них на вечере. Меня стали называть «Мойдодыр», — тут, может быть, следовало обижаться, но прозвище произносилось с таким восторгом, что я, помнится, даже гордилась им. Стоит ли осуждать восьмилетнего ребенка за подобную суетность?

Этот праздник, пожалуй, не прошел для меня бесследно, не остался только милым воспоминанием. Он научил меня и кое-чему серьезному, приоткрыв мне великое счастье волновать людей силой своей мысли, своей выдумки, всем, что именуется дорогим словом «талант». Талант, по-моему, всякий раз еще одно светило, восходящее на наше небо и озаряющее нашу жизнь. Чем больше таких светил, те
м жизнь ярче и праздничнее. На небе моего детства вспыхнул талант Корнея Чуковского.

Проблемы текста

1. Какую роль играет талант в жизни человека?

2. Какое влияние оказывают книги на человека?

3. Как талант человека влияет на окружающих?

4. Как книги влияют на сознание ребёнка

Текст А. Бруштейна про девочку и воздушный шар

(1)Мы с Юлькой больше всего на свете любим разглядывать афиши. (2)Из-за своей болезни Юлька, к сожалению, не может встать на ноги и где-нибудь самостоятельно разыскать заветную бумажку, поэтому я приношу их ей вечером сама. (3)В нашу жизнь, Юлькину и мою, входит новая афиша.

(4)В афише сказано, что такого-то числа такого-то года известный воздухоплаватель Древницкий совершит над нашим городом полёт на

воздушном шаре и спустится на землю при помощи парашюта. (5)Расклеенные по всему городу листы обещают: (6)«Даже самое невозможное возможно, если у вас есть вера в чудо! (7)Древницкий докажет вам это, взлетев, как птица!».

(8)Значит, этот Древницкий, о котором говорится в афише, будет летать по воздуху! (9)В те далёкие времена – около семидесяти лет назад – никто из обыкновенных людей даже не представлял себе, чтобы человек мог летать. (10)Летали только герои сказок.

(11)Ну, те вообще жили с такими удобствами, каких не знали простые смертные: у них были и ковры-самолёты, и скатерти-самобранки, и волшебные лампы. (12)В обыкновенной, всамделишной жизни летать было невозможно. (13)Основным способом передвижения в нашем городе, как и во всех провинциальных городах, были в то время собственные ноги. (14)Век был пешеходный. (15)И вдруг какой-то Древницкий собирается лететь по воздуху, как птицы!

(16)Папа приходит вечером домой, и я спрашиваю у него: разве может человек летать?

– (17)Может! – говорит папа. – (18)Это ещё начало: человек может только подниматься в воздух. (19)Направлять свой полёт, как делают птицы, он пока не может, потому что шар летит не по воле человека, а по воле ветра.

– (20)Какой же он, этот воздушный шар? — растерянно спрашиваю я.

– (21)А ты представь себе игрушечный воздушный шарик. (22)Если выпустить его из рук, он улетит вверх, в облака, да? (23)А Древницкий полетит не на маленьком игрушечном шарике, а на громадном шарище, который наполнен нагретым воздухом.

– (24)И как только он может! – говорю я всё ещё недоверчиво.

– (25)Человек такое может, что нам с тобой и во сне не снится…

(26)Мы идём в Ботанический сад всей семьёй. (27)Здесь покачивается громадный матерчатый шар. (28)А рядом стоит сам Древницкий… (29)Мы с Юлькой, сидя рядом на деревянной скамье, смотрим на Древницкого во все

глаза. (30)Мы уже любим этого незнакомого человека, мы верим, что он сделает невозможное: он полетит! (31)Древницкий с улыбкой снимает фуражку, раскланивается и легко прыгает в корзинку, привязанную к шару. (32)Затем он даёт солдатам команду отпустить те канатные лямки-петли, которые они удерживают руками и ногами. (33)Когда солдаты отпускают лямки, шар вздрагивает, взмывает над костром и несётся ввысь, к облакам!

(34)Людям, живущим в наши дни, трудно представить себе то чувство, с каким мы тогда смотрели на Древницкого. (35)Ведь миллионы лет человечество жило, не отрываясь от земли! (36)А тут вдруг этот смельчак опрокидывает все принятые понятия и летит. (37)Летит подобно птице, только без надёжных птичьих крыльев и хвоста. (38)Летит с риском для жизни… (39)Те, кто тогда это видел, навсегда запомнили чувство, которое охватило сердце, когда шар взлетел к облакам, — чувство чуда!

(40)Шар с Древницким взвивается всё выше. (41)Мы аплодируем этому необыкновенному человеку и приветственно машем ему косынками, зонтиками и всем, что есть сейчас под рукой. (42)Изумлённая происходящим женщина рядом со мной плачет от восторга и повторяет сквозь слёзы: (43)«Я это видела, видела!» (44)И все мы кричим: (45)«Ур-р-ра!»

(46)Никто из нас не замечает того, что творится в это время на земле и что происходит с Юлькой. (47)Она сперва, как все мы, хлопает и кричит «ура», а потом вдруг сползает со скамьи и идёт! (48)Юлька рванулась и идёт своими неокрепшими ногами. (49)Ногами, которые вчера ещё не ходили, Юлька, которая, по словам всех врачей, никогда не смогла бы встать, идёт за воздушным шаром, за Древницким. (50)Юлька идёт, ведомая своим чувством чуда! (51)Она качается, словно травинка, и делает всего несколько неверных шагов. (52)Первой замечает это мама. (53)Она бросается к Юльке как раз вовремя, чтобы подхватить её, иначе Юлька грохнулась бы на землю. (54)Юльку заботливо сажают на скамейку. (55)Она смотрит на шар и повторяет счастливым голосом:

— (56)Я хожу! (57)Я хожу!

Проблемы текста

1. Кого можно назвать героем?

2. Как научно-техническое открытие влияет на человека

3. Как восторг влияет на человека?

Текст Ю. Бондарева про прощение и учителя

В 2010 году в одном из сборников текст был напечатан в таком варианте. В этом году, по словам учеников, добавили два предложения в начале текста.

Павел Георгиевич Сафонов работал на большом заводе конструктором, был известен, с годами привык к этой известности и, казалось, даже немного устал от нее, как порой устают люди, когда к ним рано приходит успех и удовлетворение.
И вдруг его непреодолимо потянуло побывать в родном своем степном городке: побродить по нему, почитать афиши на заборах, увидеть старые названия улиц, узнать, что изменилось в нем за многие годы, непременно встретить знакомых школьных лет, таких далеких, словно их и не было.
12
(1)Когда Сафонов вошёл в родной городок, окраины встретили его длинными, через всю дорогу, тенями от старых тополей; кое-где в садах подымался синеватый самоварный дымок, ветви обогретых солнцем яблонь свешивались через заборы.

(2)С волнением и любопытством посмотрев на тёмное здание школы, вдруг заметил он справа, в сырой темноте парка под густыми акациями, красный огонёк, пробивающийся меж ветвей. (3)Неужели Мария Петровна?.. (4)Здесь жила Мария Петровна, его учительница по математике, как же он сразу о ней не подумал, не вспомнил! (5)Всегда он был её любимцем, она пророчила ему блестящее математическое будущее…

(6)Сафонов зашагал по аллее в глубину парка, а когда близко увидел маленький домик под деревьями, тусклый свет в окне, задёрнутом красной занавеской, он даже задыхался. (7)Сколько лет они не виделись! (8)Здесь ли

она теперь? (9)Живали? (10)Что с ней?

(11)— Мария Петровна, — тихо и зовуще сказал Павел Георгиевич, — вы меня узнаёте?

(12)— Входите, — сказала она тем вежливым, строгим голосом, каким, очевидно, обращалась к родителям своих учеников, когда те приходили «поговорить».

(13)Она несколько секунд всматривалась в него снизу вверх, он видел её болезненно-бледное, состарившееся, будто источенное лицо, и в эту минуту, сдерживая жалость, отметил про себя, как сильно она изменилась, стала ещё более тонкой, хрупкой, только седые волосы были коротко и знакомо подстрижены.

(14)— Паша Сафонов… (15)Паша? — проговорила она почти испуганно, и Павлу Георгиевичу показалось, что лицо её задрожало. — (16)Садись, пожалуйста, вот сюда, к столу, Паша… (17)Ты приехал?

(18)— Да, да, я сейчас, я сейчас! — обрадованно заговорил Сафонов, с неловкостью вешая плащ, шляпу на вешалку, где виднелось одинокое пальто Марии Петровны. — (19)Мария Петровна, а кто заходил к вам, кого вы встречали ещё из нашего класса? (20)Гришу Самойлова видели? (21)Артист. (22)Помните, он корчил рожи, а вы ему сказали, что у него способности? (23)Неужели не приезжал?

(24)Мария Петровна не ответила, она, наклонив голову, мешала ложечкой в чашечке, и он увидел на её пальце неотмывшееся чернильное пятно, перевёл взгляд на её источенное лицо и с какой-то внезапной жалостью, с любовью увидел морщины вокруг её губ, её тонкую, слабую шею, коротко подстриженные, сплошь белые волосы, и что-то больно, тоскливо сжалось у Павла Георгиевича в груди. (25)Он подумал, что, если бы она умерла, он не знал бы этого. (26)И не знали бы другие…

(27)— Мария Петровна, а интересно, кто-нибудь пишет вам?

(28)— Нет, Паша, — сказала она.

…(29)Сафонов хорошо помнил, как они прощались: он как-то стыдливо снял

свой роскошный плащ, который висел рядом с потёртым пальто старой учительницы, и с непроходящим ощущением вины поклонился.

(30)Всю дорогу до Москвы Сафонов не мог успокоиться, переживал чувство жгучего, невыносимого стыда. (31)Он думал о Витьке Снегирёве, о Шехтере, о Самойлове — о всех, с кем долгие годы учился когда-то, и хотелось ему достать их адреса, написать им гневные, уничтожающие письма. (32)Но он не знал их адресов. (33)Потом он хотел написать Марии Петровне длинное извинительное письмо, но с ужасом и отчаянием подумал, что не знает номера её дома.

(34)На большой станции Сафонов, хмурый, взволнованный, вышел из вагона. (35)Он зашёл на почту и, поколебавшись, дал телеграмму на адрес школы, на имя Марии Петровны. (36)В телеграмме этой было два слова: (37)«Простите нас».

По Ю. Бондареву

Бондарев Юрий Васильевич (род. в 1924 г.), русский советский писатель. Участник Великой Отечественной войны (с августа 1942). Первый сборник рассказов «На большой реке» вышел в 1953. Автор рассказов, повестей «Юность командиров», «Батальоны просят огня», «Последние залпы», романов «Горячий снег», «Тишина», «Берег» и др. Автор сценария фильма, снятого по роману «Горячий снег». Один из соавторов сценария киноэпопеи «Освобождение».

Проблемы текста

Роль учителя в жизни каждого человека
Проблема памяти о близких людях?
Как известность влияет на людей?
Важно ли помнить о своих школьных учителях?
Почему нельзя забывать учителей?

Текст К. Паустовского о русском языке

Многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как

драгоценные камни излучают таинственный блеск.

(2) Сравнительно легко объяснить происхождение «поэтического излучения» многих наших слов. (3) Очевидно, слово кажется нам поэтическим в том случае, когда оно передает понятие, наполненное для нас поэтическим содержанием. (4)Большинство таких поэтических слов связано с нашей природой.

(5) Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

(6) Для всего, что существует в природе, — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав, — в русском языке есть великое множество хороших слов и названий. (7) Чтобы убедиться в этом, чтобы изучить емкий и меткий словарь, у нас есть, помимо книг таких знатоков природы и народного языка, как Кайгородов, Пришвин, Горький, Алексей Толстой, Аксаков, Лесков, Бунин и многие другие писатели, главный и неиссякаемый источник языка — язык самого народа, язык колхозников, паромщиков, пастухов, пасечников, охотников, рыбаков, старых рабочих, лесных объездчиков, бакенщиков, кустарей, сельских живописцев, ремесленников и всех тех бывалых людей, у которых что ни слово, то золото.

(8) Особенно ясными для меня стали эти мысли после встречи с одним лесником.(9) Шли мы с этим лесником по мелколесью. (10) В незапамятные времена здесь было большое болото, потом оно высохло, заросло, и сейчас о нем напоминал только глубокий, вековой мох, небольшие окна-колодцы в этом мху да обилие багульника.

(11) Кое-где во мху, как я уже говорил, попадались маленькие круглые окна-колодцы. (12) Вода в них казалась неподвижной. (13)Но если приглядеться, то можно было увидеть, как из глубины оконца все время подымается тихая струя и в ней вертятся сухие листики брусники и желтые сосновые иглы.

(14) Мы остановились у одного такого оконца и напились воды. Она попахивала скипидаром.
(15) — Родник! — сказал лесник, глядя, как из оконца всплыл и тотчас пошел на дно неистово барахтавшийся жук. -(16) Должно, Волга тоже начинается из

такого оконца?
(17)- Да, должно быть, — согласился я.
(18) — Я большой любитель разбирать слова, — неожиданно сказал лесник и смущенно усмехнулся. — (19) И вот, скажи на милость! (20) Бывает же так, что пристанет к тебе одно слово и не дает покоя.
(21) Лесник помолчал, поправил на плече охотничье ружье и спросил:
(22)- Вы, говорят, вроде книги пишете?
(23) — Да, пишу.

(24) — Значит, соображение слов у вас должно быть обдуманное. (25) А я вот как ни прикидываю, а редко какому слову найду объяснение. (26) Идешь по лесу, перебираешь в голове слово за словом, и так их прикинешь и этак: откуда они взялись? (27) Да ничего не получается. (28) Познаний у меня нет.

(28) Не обучен. (29) А бывает, найдешь слову объяснение и радуешься. (30) А чему радоваться? (31) Мне не ребят учить. (32) (33) Я лесной человек, простой обходчик.
(34)- А какое слово к вам привязалось сейчас? — спросил я.

(35) — Да вот этот самый родник. (36) Я это слово давно приметил. (37) Все его обхаживаю. (38) Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. (39) Родник родит реку, а река льется-течет через всю нашу матушку землю, через всю родину, кормит народ. (40) Вы глядите, как это складно выходит, — родник, родина, народ. (41) И все эти слова как бы родня между собой. (42) Как бы родня! — повторил он и засмеялся.

(43) Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка.
(44) Весь многовековый опыт народа, вся поэтическая сторона его характера заключались в этих словах.

Текст М.Е. Салтыков-Щедрин о читателях и писателях

Для всякого убежденного и желающего убеждать писателя (а именно только такого я имею в виду) вопрос о том, есть ли у него читатель, где он и как к нему относится, есть вопрос далеко не праздный. Читатель представляет

собой тот устой, на котором всецело зиждется деятельность писателя; он — единственный объект, ради которого горит писательская мысль.

Убежденность писателя питается исключительно уверенностью в восприимчивости читателей, и там, где этого условия не существует, литературная деятельность представляет собой не что иное, как беспредельное поле, поросшее волчецом, на обнаженном пространстве которого бесцельно раздается голос, вопиющий в пустыне. Доказывать эту истину нет ни малейшей надобности; она стоит столь же твердо, как и та, которая гласит, что для человеческого питания потребен хлеб, а не камень. Даже несомненнейшие литературные шуты — и те чувствуют себя неловко, утрачивают бойкость пера, ежели видят, что читатель не помирает со смеху в виду их кривляний.

Даже тут, в этой клоаке человеческой мысли, чувствуется потребность поддержки со стороны читателя. И не только ради построчной мзды, но и ради того чувственного возбуждения, при отсутствии которого самое скоморошество делается вялым, бесцветным и назойливым. Ежели в стране уже образовалась восприимчивая читательская среда, способная не только прислушиваться к трепетаниям человеческой мысли, но и свободно выражать свою восприимчивость, — писатель чувствует себя бодрым и сильным. Но он глубоко несчастлив там, где масса читателей представляет собой бродячее человеческое стадо, мятущееся под игом давлений внешнего свойства. Даже при уверенности, что в этой массе немало найдется сердец, несущихся навстречу писателю, это только усугубляет скорбь последнего.

Он вдвое несчастлив: и за себя, и за те преданные сердца, которым горение их ничего не может дать, кроме сознания темного и безвыходного порабощения. Поэт, в справедливом сознании светозарности совершаемого им подвига мысли, имел полное право воскликнуть, что он глаголом жжет сердца людей; но при данных условиях слова эти были только отвлеченной истиной, близкой к самообольщению. Когда окрест царит глубокая ночь, — та ночь, которую никакой свет не в силах объять, тогда не может быть места для торжества живого слова. Сердца горят, но огонь их не проницает сквозь густоту мрака; сердца бьются, но биение их не слышно сквозь толщу желез. До тех пор, пока не установилось прямого общения между читателем и

писателем, последний не может считать себя исполнившим свое призвание.

Могучий — он бессилен; властитель дум — он раб бездумных бормотаний случайных добровольцев, успевших захватить в свои руки ярмо. Звуча наудачу, речь писателя превращается в назойливое сотрясание воздуха. Слово утрачивает ясность, внутреннее содержание мысли ограничивается и суживается. Только один вопрос стоит вполне определенно: к чему растрачивается пламя души? Кого оно греет? на кого проливает свой свет? Повторяю: несчастие в этом случае так глубоко, что никогда не остается бесследным. Я не говорю о себе лично, но думается, что всякий убежденный русский писатель испытал на себе влияние подобной изолированности. Всякий на каждом шагу встречался и с ненавистью, и с бесчестными передержками, и с равнодушием, и с насмешкой; редко кому улыбнулось прямое, осязательное сочувствие.

Последнее так далеко затерялось в читательской массе, что лишь предположительно может ободрить писателя. Зато минуты подобного ободрения — самые дорогие в жизни. Я не претендую здесь подробно и вполне определительно разобраться в читательской среде, но постараюсь характеризовать хотя некоторые ее категории. Мне кажется, что это будет не бесполезно для самого читающего люда. До тех пор, пока не выяснится читатель, литература не приобретет решающего влияния на жизнь. А последнее условие именно и составляет главную задачу ее существования.

Проблемы текста

1. Как читатель влияет на писателя

2. Какое влияние оказывает читатель на писателя ?

3. Почему писатель может быть несчастлив?

4. Какие условия являются необходимыми для литературного творчества?

Текст В. Белова о верности

Однажды, получив обмундировку для моей двухмесячной службы и при

помощи флотской газеты устроившись на ночлег к морякам-подводникам, я вышел к Амурскому заливу. И то ли от мягкого тугого ветра, то ли от восторга перед всей этой красотой, у меня перехватило дыхание. Веселый город выбежал на высокий каменный берег и затих, словно из уважения к морскому шуму. Море посылало к берегу бессчетные свои волны. Белые яхты с косыми треугольными парусами, кренясь, на галсах пробивались навстречу ветру, другие бесшумно неслись в обратную сторону. Цепи сопок неясно обозначились в сиреневой дымке.

В зеленых волнах лениво качались нерестящиеся медузы с изображениями двух перекрещивающихся восьмерок. Мальчишки, не боясь ожогов, ныряли с пирса прямо к медузам. Около спортивной станции «Водник», где торчали свинцовые кили перевернутых яхт, я увидел пожилую чету: он жилистый и тощий, как Дон-Кихот, она с бурым лицом — могучая и дебелая. Оба» игриво и добродушно подшучивая друг над другом, полезли в воду. Где-то недалеко, вторя морскому прибою, вздыхал набитый болельщиками стадион, футболисты местной команды «Луч» играли со своими дублерами. Здесь, на краю России, все было так же, как в Москве или в Вологде. «Козел! Верблюд» — кричал мальчишка лет десяти, как видно заядлый болельщик. Другой ругал дублеров «дубами», но дублеры все равно выиграли, и мальчишки, не дожидаясь конца матча, с возмущением покинули стадион.

Я тоже вышел с ними и еще раз прошел вдоль залива. Солнце, усталое от собственной ярости, скатывалось за дальние сопки, ветер стихал. А пожилая чета была все еще на прежнем месте. Они в обнимку сидели на деревянном настиле и очень красиво пели какую-то не знакомую мне украинскую песню. Прибой с шипением омывал их до пояса. И столько доброты, доверия и верности друг другу было в их песне, что я опять с горечью вспомнил одну женщину, ехавшую, видимо, из отпуска, в нашем вагоне.

Она производила довольно приятное впечатление. Светло-синие глаза и черные волосы, книга стихов в руках и вполне уместные реплики в разговоре о театре. И если б не излишняя полнота да еле различимые морщинки у глаз, ей можно было бы дать не более тридцати. Наверное, тот молоденький лейтенант, уезжавший из Москвы в парадной форме и с кортиком, не замечал этих морщинок, ведь мы склонны замечать только те физические недостатки, которые есть у нас самих. А на лице лейтенанта не ночевала еще ни одна

тень или морщина. Вероятно, женщине с поезда больше всего и импонировало это, в общем-то не такое уж и плохое обстоятельство. Большую часть совместного пути она провела с лейтенантом в вагоне-ресторане. Лейтенант сошел с поезда чуть позже ее и наверняка совсем без денег. Но я до сих пор не понял, кто же из них и за кем ухаживал больше? Было приятно наблюдать их милое, стремительно развивающееся знакомство, я даже не испытывал чувства неловкости, связанного с нескромностью этого наблюдения. Люди нравятся друг другу, им приятно быть вместе — что тут плохого? Но на полустанке, где за полночь сошла эта синеглазая женщина, поезд ожидала группа военных. Среди них был и ее муж, высокий офицер в зеленой фуражке пограничника. Я не различил, сколько звездочек было на погонах высокого офицера с усталым лицом, не видел и того, какие были глаза у его жены, вернувшейся из московского отпуска. Друзья офицера бережно подхватили ее чемоданы.

Верность, а что это такое? Люди испокон веку презирали предателей, и нет ничего страшнее такого презрения. Есть солдатская верность Родине и народу, вскормившему нас. Есть материнская верность, о которой даже никто не говорит, так она естественна сама по себе. Есть верность сыновья, нежная и, может быть, чуть застенчивая; есть благородная и немногословная верность в мужской дружбе. Но есть и еще одна верность — верность в любви. Ее высокое постоянство необходимо людям как хлеб и как воздух. Без этой верности рушится все на свете, она утраивает сопротивляемость человека невзгодам, верность делает нас сильнее, чем мы есть на самом деле. Но среди непреходящих человеческих ценностей, это понятие может быть самое беззащитное.

Даже неопытный демагог может легко поставить его под сомнение. Однажды снисходительно назовет верность в любви устарелым, косным человеческим свойством. И вот мы, боясь оказаться несовременными, уже ступаем по фальшивому следу. Ступаем с необъяснимой поспешностью, бездумно, отрекаясь от собственных ценностей, иначе от самих же себя. Разве не так разрушались и разрушаются и другие ничем не заменимые человеческие ценности? Вероятно, самое главное в этом нечистоплотном деле — это поставить истину под сомнение. Ведь, посеяв сомнение, можно уже спорить, можно полемизировать, а там… Там еще неизвестно, чья возьмет. Не менее удачный способ подобного разрушения и в том, чтобы поставить в один

логический ряд разновеликие ценности, компрометируя подлинные и возвышая фальшивые. Я думал об этом, уезжая в автобусе на одну из военных баз.

Текст Д. Шеварова о дружбе и поэтах

Дружбе невозможно научить. Но еще в детском возрасте можно поддержать, «воспламенить», как говорили в XVIII веке, эту заложенную в человеке способность. В Батюшкове воспламенил эту способность его двоюродный дядя Михаил Никитич Муравьев, руководивший обучением великих князей Константина и Александра. (Вообще, это удивительно: у императора Александра I и лучшего поэта его эпохи Константина Батюшкова был один наставник!) Когда вскоре после Отечественной войны Батюшков тяжело заболел, это стало несчастьем и для его товарищей, и для всей нашей словесности.

Дружеский круг распался, и ничего подобного в русской литературе более не появилось, хотя выражение «круг поэтов» стало штампом отечественного литературоведения. Под кругом стали понимать группу «второстепенных» стихотворцев, чуть ли не эпигонов, сплоченных вокруг какого-либо выдающегося поэта. «Любить отечество и вечно быть друзьями», — завещал своим товарищам умерший двадцатилетним Андрей Тургенев.

Если бы в 1812 году они остались дома, их никто бы не осудил, но эта завещанная нераздельность двух чувств — любви к родине и солидарности с друзьями (как же так — они идут воевать, а я останусь в тылу?!) — вела русских поэтов на поля сражений. В армейском строю поэты выглядели порой не очень браво: неловкий и вечно простуженный Жуковский, близорукий и мешковатый Вяземский, прихрамывающий и рассеянный Батюшков, собиравший незабудки на поле боя… Но как ценили поэтов наши генералы! (Ведь и сами были не чужды поэзии, а некоторые и пробовали себя в стихосложении.)

Хотя, казалось бы: куда надежнее в военное время иметь адъютантом опытного офицера, четкого профессионала, который не будет витать в облаках. Но генералы упрямо брали в адъютанты мечтательных поэтов.

Впрочем, поэты, тогда еще совсем молодые люди, могли не только писать стихи и мечтать, но и судить о жизни и смерти с той мудростью, какая не всегда дается и старикам. «Что теряем мы, умирая в полноте жизни на поле чести, славы, в виду тысячи людей, разделяющих с нами опасность? — размышлял Батюшков. — Несколько наслаждений кратких, но зато лишаемся с ними и терзаний честолюбия… Мы умираем, но зато память о нас долго живет в сердце друзей, не помраченная ни одним облаком, чистая, светлая…»

Под созвездием полководцев служило созвездие поэтов. В адъютантах у Милорадовича были Петр Вяземский и Федор Глинка. Правой рукой Багратиона был Сергей Марин. При главной квартире, рядом с Кутузовым, служили Кайсаров и Жуковский. Весь Заграничный поход Константин Батюшков прошел рядом с легендарным генералом Раевским. Поэтам было о чем вспомнить после войны.

Проблемы текста

1. Какова роль поэтов на войне?

2. Что такое настоящая дружба?

Текст А. Бруштейн о силе духа

В этом доме постоянно останавливаются и дают свои представления все приезжающие в наш город фокусники и другие заезжие артисты. (2)Сегодня около подъезда висят плакаты: «Чудо-художник рисует ногами». (3)Конечно, я жалобно прошу:

–(4)Ма-а-ма…

(5)И конечно, мы поднимаемся по лестнице. (6)В большой комнате – это зал представлений – перед маленькими подмостками стоят в три ряда стулья. (7)Народу немного. (8)Раздаётся звонок. (9)Кто-то играет на пианино. (10)Публика рассаживается на стульях. (11)На подмостки, где стоит большой мольберт и стул, выходит человек с измятой физиономией, он громко прокашливается и начинает говорить:

–(12)Почтеннейшая публика, сейчас вы, без сомнения, увидите величайшее чудо, необъяснимую загадку природы, художника, лишившегося обеих рук. (13)Художник этот научился рисовать ногами, и вы сейчас убедитесь в этом сами.

(14)На подмостки выходит высокий, стройный человек с симпатичным лицом. (15)Оба рукава его пиджака совершенно пусты сверху донизу, и концы рукавов заложены в оба кармана. (16)Это и есть безрукий художник. (17)Он кланяется зрителям без улыбки, с достоинством. (18)Художник садится на стул перед мольбертом. (19)Человек с мятым лицом вставляет кусок угля в пальцы ноги художника. (20)И художник начинает рисовать ногой. (21)Сперва на мольберте появляется что-то вроде извилистой речки. (22)По обе стороны её возникают деревья. (23)Нет, это не речка, а дорожка в лесу. (24)Потом из-за деревьев появляется солнце. (25)Всё.

–(26)«Дорога уходит вдаль…», – объясняет художник, – это пейзаж.

(27)Потом он рисует ещё несколько карикатур. (28)Зрители смеются, хлопают. (29)Художник встаёт, нашаривает ногами туфли. (30)Помощник, показывая на рисунки, сделанные только что художником, предлагает желающим приобрести их. (31)Желающих не оказывается.

–(32)Недорого… (33)Купите! – предлагает помощник художника.

(34)Художник стоит неподвижно. (35)Глаза его опущены. (36)Губы крепко сжаты.

–(37)А сколько? – вдруг взволнованно спрашиваю я.

(38)Мама очень решительно берёт меня за руку. (39)Помощник бросается к нам:

–(40)Дёшево…

(41) Я смотрю на маму умоляющими глазами.

– (42)Мамочка!..

(43)Мама платит тридцать копеек. (44)Художник подходит к краю

подмостков, он говорит очень сердечно и просто:

–(45)Пусть маленькая барышня возьмёт рисунок «Дорога уходит вдаль…». (46)Когда я ещё был художником (а я был настоящим художником, прошу мне поверить!), это была моя любимая тема: «Все – вперёд, все – вдаль! Идёшь – не падай, упал – встань, расшибся – не хнычь. Все – вперёд! Все – вдаль!..»

(47)Рисунок художника углем на бумаге «Дорога уходит вдаль…», заделав в стеклянную рамку, повесили в моей комнате. (48)В течение ряда лет, когда я открывала глаза, я видела дорогу среди деревьев, из-за которых вставало солнце, и вспоминала слова художника: «Упал – встань. Расшибся – не хнычь. Дорога уходит вдаль, дорога идёт вперёд!» (49)Это были мужественные слова мужественного человека. (50)Увечье не победило его – он победил своё увечье. (51)Он не растерялся, не пал духом, он не просил милостыню, как просят калеки, он работал как мог. (52)Художник сказал мне свои замечательные слова как напутствие, а я запомнила их на всю жизнь как завет воли к сопротивлению. (53)Ох, как пригодились мне в жизни эти слова!

По А.Я. Бруштейн

* Александра Яковлевна Бруштейн (1884–1968) – русская советская писательница и драматург.

Проблемы текста

1. Влияние искусства на человека

2. Что помогает человеку справиться с жизненными трудностями

Текст В. Распутина о жизненных ценностях

Всё чаще, решившись на переезд, стал раздумывать Иван Петрович: что надо человеку, чтобы жить спокойно? (2)Если есть у него работа, на которую он не смотрит как на каторгу, и семья, к которой его тянет, — что требуется ещё, чтобы, проснувшись ненароком ночью, не чаял он дождаться утра для

желанной подвижки?

(3)Начать с достатка… (4)Достаток — да, он надобен. (5)Но достаток — это не только запас в себя, на себя и за себя, не только то, что требуется сегодня и потребуется завтра для удовлетворения живота, а также для удовлетворения самому выйти и другим нос утереть. (6)Когда бы так, до чего бы всё было просто. (7)Человек, окруживший себя целой оравой подспорья, вырабатывающего достаток, обязан иметь внутри этого достатка что-то особое, происходящее из себя, а не из одного лишь хвать-похвать, что-то причинное и контролирующее, заставляющее достаток стыдиться вопреки себе полной своей коробушки.

(8)Ну ладно, о достатке потом.

(9)Не только во имя его превосходительства брюха делается работа. (10)Сколько их, неработающих или едва работающих, набивают брюхо ничуть не хуже, сейчас это легко.

(11)Работа — это то, что остаётся после тебя. (12)Тебя нет, ты уже и сам становишься работой для других, а она долго-долго ещё будет напоминать о тебе живущим вслед за тобой. (13)Так говорят. (14)Так оно и есть, тем более, если работа твоя вливается в полезную реку. (15)Есть две реки — с полезным и бесполезным течениями, и какое из них мощней, туда и сдвигается общая жизнь. (16)Но это опять-таки в общем, в каких-то огромных, надчеловеческих понятиях, а что должен испытывать он, чуть свет выезжающий завтра за двадцать и тридцать километров, чтобы привезти за смену свои кубометры древесины? (17)Конечно, уже сам язык: километры, кубометры, древесина — вроде бы должен определять чувства, наталкивая их на рубли. (18)Но это не так. (19)Не совсем так. (20)Не рубли его подстёгивают, заставляя перегружать КрАЗ и выкраивать лишний рейс, а сама работа, берущая единым охватом сотни людей. (21)В работе он не помнит, что это километры, кубометры и рубли, он возносился над ними в какую-то иную высь, где нет никакой бухгалтерии, а есть лишь движение, ритм и празднество. (22)Там он постоянно двигается попутно, а потому двигаться легко. (23)Чему попутно, он не мог бы сказать, похоже, попутно душе, её изначальному наклону; там он весь превращается в ответ на чей-то стремительный зов, душа его выструнивается и начинает раскрыто и вольно звучать.

(24)Да, он работник, он за собой это знает, и с той высоты, на которую он взмывает в работе, жизнь видится надёжней всего.

(25)Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьёй, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. (26)И все четыре одна важней другой. (27)Захромает какая — весь свет внаклон.

(28)Так вот, о достатке. (29)Есть достаток, и даже не маленький, а всё не живётся человеку с уверенностью ни в сегодняшнем, ни в завтрашнем дне, всё словно бы бьёт его озноб, и озирается он беспокойно по сторонам. (30)Не весь, стало быть, достаток, чего-то недостаёт.

(31)Себя, что ли, недостаёт — каким мог он быть при лучшем исходе, и эта разница между тем, чем стал человек, и тем, чем мог он быть, взыскивает с него за каждый шаг отклонения.

(32)В долгих и обрывистых раздумьях перебирая жизнь во всём её распахе и обороте, пришёл Иван Петрович к одному итогу. (33)Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. (34)Вот: дома. (35)Поперёд всего — дома, а не на постое, в себе, в своём внутреннем хозяйстве, где всё имеет определённое, издавна заведённое место и службу. (36)Затем дома — в избе, на квартире, откуда с одной стороны уходишь на работу, и с другой — в себя. (37)И дома — на родной земле.

(По В.Г. Распутину)

Валентин Григорьевич Распутин (1937-2015) — русский писатель, публицист, общественный деятель, один из наиболее значительных представителей «деревенской прозы».

Проблемы текста

1. Проблема понимания достатка в человеческой жизни. (Как можно понимать достаток в человеческой жизни?) «Но достаток — это не только запас в себя, на себя и за себя, не только то, что требуется сегодня и потребуется завтра для удовлетворения живота, а также для удовлетворения самому выйти и другим нос утереть. Когда бы так, до чего бы всё было просто».

2. Проблема понимания целей работы. (Для чего работает человек? Что даёт

ему работа?) «Не только во имя его превосходительства брюха делается работа… Работа — это то, что остаётся после тебя. Тебя нет, ты уже и сам становишься работой для других, а она долго-долго ещё будет напоминать о тебе живущим вслед за тобой».

3. Проблема смысла жизни и её ценностей. (В чём заключается смысл жизни? Какие «подпорки» есть у человека?) «Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьёй, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важней другой. Захромает какая — весь свет внаклон».

4. Проблема соотношения материального и духовного в жизни человека. (Как соотносятся материальное и духовное в жизни человека?) Человек не может удовлетворяться только материальной стороной жизни. «Есть достаток, и даже не маленький, а всё не живётся человеку с уверенностью ни в сегодняшнем, ни в завтрашнем дне, всё словно бы бьёт его озноб, и озирается он беспокойно по сторонам».

5. Проблема роли дома в жизни человека. (Какую роль играет дом в жизни человека?) «Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома… Поперёд всего — дома, а не на постое, в себе, в своём внутреннем хозяйстве… Затем дома — в избе, на квартире… И дома — на родной земле».

Текст Л. Толстого о природе

(1)Погода после мокрого снега уже дня три стояла тихая, тёплая и ясная. (2)На улицах не видно было клочка снега, грязное тесто заменилось мокрой мостовой и быстрыми ручьями. (3)С крыш уже на солнце стаивали последние капели, в палисаднике на деревьях надувались почки, на дворе была сухая дорожка к конюшне мимо замёрзлой кучи навоза, и около крыльца между камнями зеленела мшистая травка.

(4)Был тот особенный период весны, который сильнее всего действует на душу человека: яркое, на всём блестящее, но не жаркое солнце, ручьи и проталинки, пахучая свежесть в воздухе и нежно голубое небо с длинными прозрачными тучками.

(5)Не знаю почему, но мне кажется, что в большом городе ещё ощутимее и сильнее на душу влияние этого первого периода рождения весны, — меньше видишь, но больше предчувствуешь.

(6)Я стоял около окна, в которое утреннее солнце сквозь двойные рамы бросало пыльные лучи на пол моей невыносимо надоевшей классной комнаты, и решал на чёрной доске какое-то длинное алгебраическое уравнение. (7)В одной руке я держал изорванную мягкую «Алгебру» Франкера, в другой — маленький кусок мела, которым испачкал уже обе руки, лицо и локти полуфрачка. (8)Николай в фартуке, с засученными рукавами, отбивал клещами замазку и отгибал гвозди окна, которое отворялось в палисадник.

(9)Его занятие и стук, который он производил, развлекали моё внимание. (10)Притом я был в весьма дурном, недовольном расположении духа. (11)Всё как-то мне не удавалось: я сделал ошибку в начале вычисления, так что надо было всё начинать сначала. (12)Мел я два раза уронил, чувствовал, что лицо и руки мои испачканы, губка где-то пропала, стук, который производил Николай, как-то больно потрясал мои нервы. (13)Мне хотелось рассердиться и поворчать; я бросил мел, «Алгебру» и стал ходить по комнате. (14)Но мне вспомнилось, что надо удерживаться от всего дурного; и вдруг я пришёл в какое-то особенное, кроткое состояние духа и подошёл к Николаю.

— (15)Позволь, я тебе помогу, Николай, — сказал я, стараясь дать своему голосу самое кроткое выражение; и мысль, что я поступаю хорошо, подавив свою досаду и помогая ему, ещё более усилила во мне это кроткое настроение духа.

(16)Замазка была отбита, гвозди отогнуты, рама подалась набок и вышла.

— (17)Куда отнести её? — спросил я.

— (18)Позвольте, я сам управлюсь, — отвечал Николай, видимо, удивлённый и, кажется, недовольный моим усердием, —.надо не спутать, а то там, в чулане, они у меня по номерам.

— (19)Я замечу её, — сказал я, поднимая раму.

(20)Мне кажется, что, если бы чулан был версты за две и рама весила бы

вдвое больше, я был бы очень доволен. (21)Когда я вернулся в комнату, Николай крылышком сметал песок и сонных мух в растворённое окно. (22)Свежий пахучий воздух уже проник в комнату и наполнял её. (23)Из окна слышался городской шум и чиликанье воробьёв в палисаднике.

(24)Все предметы были освещены ярко, комната повеселела, лёгкий весенний ветерок шевелил листы моей «Алгебры» и волосы на голове Николая. (25)Я подошёл к окну, сел на него, перегнулся в палисадник и задумался.

(26)Какое-то новое для меня, чрезвычайно сильное и приятное чувство вдруг проникло мне в душу. (27)Мокрая земля, по которой кое-где выбивали ярко-зелёные иглы травы с жёлтыми стебельками, блестящие на солнце ручьи, по которым вились кусочки земли и щепки, закрасневшиеся прутья сирени с вспухлыми почками, качавшимися под самым окошком, хлопотливое чиликанье птичек, копошившихся в этом кусте, мокрый от таявшего на нём снега черноватый забор, а главное — этот пахучий сырой воздух и радостное солнце говорили мне ясно о чём-то новом и прекрасном, что я не могу передать так, как воспринимал это.

(28) Всё мне говорило про красоту, счастье и добродетель, говорило, что как то, так и другое легко и возможно для меня, что одно не может быть без другого и даже что красота, счастье и добродетель — одно и то же.

(29) Случалось ли вам летом лечь спать днём в пасмурную дождливую погоду и, проснувшись на закате солнца, открыть глаза и в расширяющемся четырёхугольнике окна, из-под полотняной шторы, которая, надувшись, бьётся прутом о подоконник, увидать мокрую от дождя, тенистую, лиловатую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освещённую яркими косыми лучами, услыхать вдруг весёлую жизнь птиц в саду и увидать насекомых, которые вьются в отверстии окна, просвечивая на солнце, почувствовать запах последождевого воздуха и торопливо вскочить, чтобы идти в сад порадоваться жизни? (30)Если случалось, то вот образчик того сильного чувства, которое я испытывал в это время.

По Л. Н. Толстому. Лев Николаевич Толстой (1828-1910) — русский писатель и мыслитель, один из величайших писателей-романистов мира.

Проблемы текста

1. Проблема взаимосвязи природного и человеческого мира.

2. Как природа влияет на человека?

3. Что может сделать человека счастливым?

4. Как природа влияет на духовное состояние человека?

Текст Ф. Искандера о малой родине, воспоминаниях

Автобус мощно и мягко скользил по шоссе. Справа от дороги сквозь зелень садов и белые домики прорывалось море, теплое даже не вид. Оно казалось насыщенным и успокоенным обилием летнего тепла и купальщиц.

Слева проплывали зеленые взгорья, покрытые созревающей кукурузой и мандариновыми плантациями. Изредка открывались тунговые плантации с лопоухими деревцами, усеянными гроздьями плодов.

Во время войны солдаты строительного батальона, стоявшего в этих местах, срывали тунговые плоды, немного похожие на недозрелые яблоки, но страшно ядовитые.

Пробовали, несмотря на строжайший запрет. Они, наверное, думали, что это им говорится так, для острастки, да и время было голодное. Обычно их откачивали, но бывали, говорят, и смертельные случаи.

Порой ветерок, словно срезанный автобусом с поворота, так он был неожидан, доносил далекий запах прелого папоротника, прокаленного солнцем навоза, молочный дух зреющей кукурузы, и все это сладко и грустно напоминало детство, деревню, родину…

Почему так сильна над нами власть запахов? Почему воспоминание не может с такой силой расколыхнуть пережитое, как связанный с ним знакомый запах? Может, дело в его неповторимости, ведь запах нельзя вспоминать отдельно

от него самого, так сказать, повторить воображением. И когда он повторяется натурально, он с первозданной свежестью выхлестывает наружу все, что было связано с ним. А зрительные и слуховые впечатления мы часто повторяем своими воспоминаниями, и, может быть, потому они в конце концов притупляются…

Пассажиры, покачиваясь, сидели на мягких пружинящих сиденьях. Верх автобуса был застеклен каким-то необыкновенным голубым стеклом. Так что и без того голубое небо сквозь это стекло делалось неправдоподобно голубым. Стекло это как бы показывало небу, каким оно должно быть, а пассажирам – каким его надо видеть.

Этот автобус только недавно передали транспортной конторе. До этого он развозил интуристов. Иногда я его встречал у нас в городе перед Ботаническим садом, или Старой крепостью, или еще где-нибудь.

Сейчас он был заполнен колхозницами, возвращающимися домой. Каждая при себе держала туго набитую корзину или кошелку, из которой торчала неизменная связка бубликов. Некоторые колхозницы не без горделивости держали в руках китайские термосы, похожие на спортивный кубок и на снаряд одновременно.

Цепи гор медленно проплывали на горизонте. Самые дальние из них и самые высокие были покрыты первым снегом, который, наверное, выпал сегодня ночью, потому что еще вчера его не было. Сейчас их вершины четко и чисто сверкали в небе.

Более близкая линия гор была темно-синяя от лесов – там еще до снега далеко.

Внезапно с какого-то поворота я увидел на уровне этой более близкой линии гор гряду голых утесов, и что-то в груди у меня толкнулось радостно и испуганно.

Под этими утесами лежало наше село. С детства они мне казались страшно загадочными, и хотя до них было недалеко, правда, дорога труднопроходимая, но я так и не поднялся туда ни разу. Сейчас я вдруг

пожалел, что в стольких местах бывал, а там не был ни разу.

Каждое лето с самого раннего детства я жил несколько месяцев в доме дедушки. Помню, меня оттуда всегда тянуло назад домой. Даже не столько домой, сколько именно в город.

Как я скучал по нему, как сладко было вспоминать тот особый городской запах пыли, пропитанный запахом бензина и резины. Сейчас мне трудно это понять, но тогда я с нежностью смотрел в сторону заката: там за круглой и мягкой по своим очертаниям горой был наш город, и я подсчитывал дни, оставшиеся до конца каникул…

Потом, когда мы приезжали в город, помню первые шаги по асфальту, необыкновенную, радостную легкость в ногах, которую я приписывал удобствам гладкой городской дороги, а на самом деле, я думаю, этой легкостью я был обязан бесконечным хождениям по горным тропкам, чистому воздуху гор, простой и здоровой еде.

Сейчас, где бы я ни жил, у меня нет и в помине той жаркой радостной тяги в город. Наоборот, я все чаще и чаще чувствую, что мне не хватает дедушкиного дома.

Может быть, потому, что дедушкиного дома уже нет – старые умерли, а молодые переехали в город или поближе к нему. А когда он был, все не хватало времени бывать там чаще, я его все оставлял про запас. И вот теперь там никого нет, и мне кажется, что я ограблен, что какой-то мой главный корень обрублен.

Даже если я там бывал редко, самой своей жизнью, своим очажным дымом, доброй тенью своих деревьев он помогал мне издали, делал меня смелей и уверенней в себе. Я был почти неуязвим, потому что часть моей жизни, мое начало шумело и жило в горах. Когда человек ощущает свое начало и свое продолжение, он щедрей и правильней располагает своей жизнью и его трудней ограбить, потому что он не все свои богатства держит при себе.

Проблемы текста

1. Проблема отношения человека к своей родине

Текст В. Шаталов об играх

Присмотритесь: не слишком ли рано угасает наш педагогический интерес к играм, которые верой и правдой всегда служили и призваны служить развитию смекалки и познавательных интересов детей на всех, без исключения, уровнях их возрастного развития? Это ведь не секрет, что те молчуны, из которых на уроке слова не вытянуть, в играх, случается, становятся такими активными, какими мы их в классно-урочных буднях и представить себе не в состоянии. Игра уже одним только своим содержанием переносит ребят в новое измерение, в новое психологическое состояние. В игре они обретают не только равноправие, но и реальную возможность стать лидерами, вести за собой других. Их действия, раскрепощенные и уверенные, начинают выказывать и глубину мышления. Мышления смелого, масштабного, нестандартного.

Включитесь в игру! Доверьтесь ей! И только тогда, наблюдая за поведением малоинициативных на уроках ребят, вы невольно зададитесь вопросом-укором: почему же на уроках с таким трудом и часто безуспешно они одолевают не столь уж сложные премудрости математики, физики или родного языка?

«…В игре раскрывается перед детьми мир, раскрываются творческие способности личности. Без игры нет и не может быть полноценного умственного развития», — писал В. А. Сухомлинский. Так, может быть, следует всеми доступными средствами создавать игровые ситуации на уроках и, не превращая всего многосложного дела воспитания и обучения в одну только игру, использовать непринужденную обстановку многокрасочных, звонких, брызжущих энергией и смехом игровых элементов и на этом пути искать ответы на вековые вопросы многострадальной педагогики?

2 минуты урока

— Внимание! Возьмите чистые листочки и напишите на них свои фамилии. В вашем распоряжении одна минута. Кто сможет написать больше слов — имен существительных, содержащих три буквы о? Не больше и не меньше. «Обороноспособность» — не годится: в нем 7 букв о. Только три буквы о!

Например, молоко, потолок, но их писать уже не нужно. Включаю секундомер. Кто больше?

Пока отсчитываются секунды, задумаемся над тем, как быстро и четко вывести ребят из игры? Как закончить ее? Вот сейчас истечет минута. Как собрать листочки? Как проверить их без больших затрат времени? Это ведь не воскресное развлечение, когда торопиться никуда не нужно, — идет один из школьных уроков, и скоротечная игра всего только частный методический прием, помогающий мобилизовать внимание и создать обстановку непринужденности. Всякой игре, разумеется, присущ шутливый оттенок, но игра ни в коем случае не должна обращать в шутку большое и серьезное дело. Тем более стать источником конфликтов. А конфликты — вот они, рядом, и концовка игры представляет в этом отношении большую опасность. Победитель может опередить товарищей всего на одно-два слова. Но ведь эти слова он может дописать после истечения контрольного срока за какие-нибудь 3-4 секунды. Каково тогда будет победителю? Сможет ли он сам отказаться от этих слов, зная, что написал их после истечения контрольного времени? А если не сможет и затаится? Будет ли его мучить совесть, или он как должное примет такую «победу»? Все это обязан предвидеть учитель. Без умения учитывать возможные издержки игры лучше и не браться за нее.

Игра — дело серьезное. И наверное, пришла пора включить изучение психологических аспектов игровых ситуаций в программы педагогических вузов, так же как и специальный курс по методике организации познавательных, подвижных и спортивных игр. Вдумаемся: организатору игры необходимы достаточно обширные знания из анатомии, возрастной физиологии, гигиены и врачебного контроля, не говоря уже о том, что он должен быть отличным педагогом и тонким психологом.

Текст Е. Богата о счастье

Нет, — и, наверное, не было никогда в мире, — человека, который не хотел бы быть счастливым. Но вот вечный человеческий вопрос, самый простой и самый загадочный: что такое счастье?

Для Франциска Ассизского и Альберта Швейцера счастье заключалось в

полноте благоговения перед жизнью. Для Юлия Цезаря и Наполеона — в полноте обладания властью. Для Галилея и Альберта Эйнштейна — в полноте обладания научной истиной. Я назвал великие имена и великие судьбы. Но то же многообразие возможных вариантов счастья мы найдем в любой, самой обыкновенной и рядовой, человеческой судьбе. Даже беглое сопоставление этих вариантов показывает, что ответ на вопрос «Что такое счастье?» зависит от системы ценностей человека, зависит от того, что в этой иерархии помещается на верхние, что на нижние ступеньки. Но ответ на вопрос «Что такое счастье?» зависит в огромной степени и от системы ценностей всего общества. Эта система, разумеется, не есть нечто неизменное, неподвижное, замкнутое в себе. Она, как и само общество, живет, то есть меняется.

В наш динамический век это особенно очевидно. Но даже меняясь, система ценностей в чем-то, вероятно, в основном, остается верной себе, иначе она бы была не системой, а хаосом.

Что осталось неизменным? Что изменилось в системе жизненных ценностей сегодняшнего советского социалистического общества? Это не социологическое исследование, не научный труд, а наблюдения и заметки писателя. Поэтому, как и любые заметки, они носят в какой-то степени субъективный характер. Я делюсь моими частными соображениями, основанными в какой-то степени на моих наблюдениях, а в какой-то — на наблюдениях моих современников. В качестве завязки я избрал разговор о проходившей на страницах «Литературной газеты», где я работаю обозревателем, дискуссии «Успех в жизни — подлинный и мнимый». По-моему, эта дискуссия, несмотря на все издержки полемики, а может быть, именно благодаря неизбежным в полемике крайностям, показала вечное и сегодняшнее в нашей системе жизненных ценностей.